

EastWest
INSTITUTE

Институт
Восток-Запад

АФГАНСКИЙ НАРКОТРАФИК

Сценарии развития ситуации после 2014 года

Copyright©2015 EastWest Institute

ISBN: 978-0-9861751-0-7

На обложке: очищенная головка опийного мака (фото Дэвида Мэнсфилда)

Фото: Репортеры Ассошиэтед Пресс, Корпус морской пехоты США, Flickr, Дэвид Мэнсфилд, Alcis Ltd.

Перевод с английского языка на русский язык: Галина Чернакова

Оригинал доклада на английском языке: Afghan Narcotrafficking: Post-2014 Scenarios. Joint U.S.-Russia Working Group on Afghan Narcotrafficking – EastWest Institute. February 2015. ISBN: 978-0-9861751-1-4

Мнения, выраженные в публикации, могут не совпадать с позицией Института Восток-Запад, его совета директоров и сотрудников.

-

Институт Восток-Запад стремится сделать мир более безопасным, содействуя урегулированию представляющихся неразрешимыми проблем, которые угрожают региональной и глобальной стабильности. Основанный в 1980 году, Институт Восток-Запад является международной, политически независимой некоммерческой организацией с офисами в Нью-Йорке, Брюсселе, Москве и Вашингтоне. Благодаря накопленному опыту работы, ИВЗ стал глобальным центром, формирующим отношения доверия, влияющим на практическую политику и предлагающим решения.

-

The EastWest Institute
11 East 26th Street, 20th Floor
New York, NY 10010 U.S.A.
+1-212-824-4100
communications@ewi.info

www.ewi.info

АФГАНСКИЙ НАРКОТРАФИК

Сценарии развития ситуации после 2014 года

Российско-американская
рабочая группа по афганскому
наркотрафику

Февраль 2015 г.

Основной автор:

Остин Лонг (Austin Long), профессор Школы международных отношений и публичной политики Колумбийского Университета

Члены рабочей группы:

Джордж Гаврилис (George Gavrilis), приглашенный научный сотрудник Института религий, культуры и общественно-политической жизни (IRCPL) Колумбийского Университета, автор книги «Динамика межгосударственных границ» (The Dynamics of Interstate Boundaries)

Владимир Иванов, директор филиала Института Восток-Запад в Российской Федерации

Марлен Ларуэль (Marlene Laruelle), профессор-исследователь в области международных отношений Школы международных отношений Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона, директор программы по Центральной Азии Института европейских, российских и евразийских исследований Школы международных отношений Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона

Дэвид Мэнсфилд (David Mansfield), независимый консультант

Иван Сафранчук, доцент Московского государственного института международных отношений (МГИМО (У) МИД РФ), главный редактор журнала «Большая игра: политика, бизнес, безопасность в Центральной Азии»

Константин Сорокин, советник Департамента образования и науки Международного учебно-методического центра финансового мониторинга (МУМЦФМ); советник государственной гражданской службы РФ 3-го класса

Екатерина Степанова, руководитель Группы по исследованию проблем мира и конфликтов Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) Российской академии наук

Директор проекта:

Дэвид Файерстейн (David Firestein), стипендиат программы Росса Перро мл. и вице-президент Института Восток-Запад, руководитель Стратегической инициативы по формированию отношений доверия и неправительственной дипломатии

Координаторы Рабочей группы:

Владимир Иванов, директор филиала Института Восток-Запад в Российской Федерации

Юхва Тран (Euhwa Tran), научный сотрудник Стратегической инициативы по формированию отношений доверия Института Восток-Запад

Выражение благодарности:

Институт Восток-Запад выражает особую благодарность двум членам рабочей группы за их неоценимый вклад в подготовку данного доклада на раннем этапе проекта: Ильнуру Батыршину, начальнику Научно-исследовательского центра Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России), и Кимберли Мартен, профессору политологии Барнардского колледжа Колумбийского университета, стипендиату фонда Энн Уитни Олин. Мы выражаем сердечную признательность всем членам рабочей группы, каждый из которых щедро вкладывал в проект значительные усилия, экспертные знания и время, а также многим другим экспертам и должностным лицам как в России, так и в Соединенных Штатах Америки, которые делились своими мыслями и откликами на проделанную нами работу. Отдельной благодарности заслуживает профессор Военного университета Министерства обороны РФ полковник в отставке Олег В. Кулаков за рецензирование русского перевода доклада и оказанную помощь в правке терминологии.

Подготовка и публикация настоящего доклада были бы невозможны без существенной помощи наших финансовых спонсоров. Мы искреннее благодарны Фонду быстрого реагирования Джона Б. Харфорда и Инициативе за мир Кэтрин Дэвис за финансовую поддержку этого доклада. Наконец, мы выражаем глубочайшую признательность Корпорации Карнеги в Нью-Йорке за оказанную ею щедрую поддержку, которая сделала возможным не только появление настоящего доклада, но и реализацию всего проекта в целом.

Примечание:

Публикация осуществлена частично на средства гранта Корпорации Карнеги в Нью-Йорке. Автор и соавторы несут исключительную ответственность за мнения и взгляды, выраженные в публикации.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Последнее «прощай»: уход из Афганистана и переходный период 1985-1992 годов	8
Ситуация в Афганистане на современном этапе	12
Безопасность в Афганистане	12
Политическая ситуация в Афганистане	14
Экономическое положение Афганистана	18
Сценарии будущего для Афганистана	20
Стабильная «ничья»	20
Сдача позиций	23
Предотвращение распада страны	24
Возврат к полевым командирам	25
Заключение	27
Ссылки и примечания	28
Список принятых сокращений	33

Введение

Будущее афганского наркотрафика является одной из наиболее значимых областей, объединяющих интересы Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Это верно даже в современном сложном политическом контексте.

Начало 2015 года является периодом исключительной важности для Афганистана, судьба которого после 2014 года остается в значительной степени неопределенной. Прекратил свое действие мандат Международных сил содействия безопасности (МССБ), а проблема перехода от администрации Президента Хамида Карзая к новому политическому устройству решена лишь отчасти. Мятежные силы Талибана по-прежнему достаточно сильны и представляют собой серьезную угрозу для афганского правительства, а разрешение текущего конфликта путем переговоров представляется маловероятным в ближайшем будущем. Экономический рост, в значительной степени обеспеченный расходом средств МССБ, а также программами содействия развитию Афганистана, может существенно замедлиться после того, как указанные внешние источники финансирования пойдут на убыль. Можно предположить, что производство наркотиков, составлявшее существенную часть афганской экономики на протяжении последнего десятилетия, в нынешней ситуации приобретет еще большее значение как для Афганистана, так и для региона и мира в целом.

Несмотря на обозначенные проблемы, будущее Афганистана после 2014 года вовсе не обязательно окажется катастрофичным. Сохраняется надежда на то, что политические преобразования могут привести к формированию правительства, представляющего интересы более широких кругов населения, которое содействовало бы сдерживанию межэтнической и межрегиональной напряженности в определенных рамках. На фоне существенного сокращения численности иностранных войск, успешные политические реформы могли бы ослабить привлекательность Талибана и, в конечном счете, создать условия для достижения урегулирования на договорной основе в среднесрочной перспективе. Снижение интенсивности конфликта сделало бы возможным пусть небольшой, зато устойчивый экономический рост. В сочетании с жесткими мерами по борьбе с наркоти-

ками, эти изменения могли бы, по крайней мере, ограничить рост афганского наркотрафика после 2014 года.

Будущее афганского наркотрафика является одной из наиболее значимых областей, объединяющих интересы Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки. Это верно даже в современном сложном политическом контексте. Начиная с 2011 года, Институт Восток-Запад (ИВЗ) неоднократно выступал организатором и проводил встречи Российско-американской рабочей группы по афганскому наркотрафику, в ходе которых обсуждались пути конструктивной совместной реализации двусторонних и многосторонних усилий по борьбе с наркотиками.

Совместные усилия Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки по оценке и формированию обстановки на афганском направлении после 2014 года могут быть особенно плодотворны, если учесть предшествующий советский опыт вывода войск из Афганистана и последующего переходного периода. Многие российские политические деятели старшего поколения имеют личный опыт участия в этом процессе, который в реальности проходил намного успешнее, чем предсказывали многие аналитики. Уроки, полученные в результате предыдущего ухода из Афганистана и последовавших за этим политических преобразований, имеют практическую значимость в современном контексте. Как отмечается в данном докладе, внутренняя сплоченность политических сил и внешняя помощь сыграли важнейшую роль как в обеспечении удивительной долговечности Демократической Республики Афганистан (ДРА), так и в процессе ее последующего, не менее удивительного, развала.

Рабочая группа видит свою задачу в том, чтобы готовить доклады на основе консенсуса в целях информирования российского и американского правительств, а также заинтересованных сторон в Афганистане, на региональном и международном

уровнях. В своем докладе «Афганский наркотрафик: совместная оценка угрозы» рабочая группа обстоятельно проанализировала связанные с героином угрозы для Российской Федерации, Соединенных Штатов и мирового сообщества в целом. В ряде последующих работ будут освещены конкретные проблемы, относящиеся к афганскому наркотрафику. Данный доклад является первым в этом ряду.

Он посвящен, главным образом, ситуации в Афганистане после 2014 года, с акцентом на то, как она повлияет на торговлю наркотиками. В «Совместной оценке угрозы» был сделан следующий вывод: «Эффективность любых мер по борьбе с наркотиками, будь то усилия по альтернативному развитию или полицейские меры, зависит от улучшения условий безопасности. Это, в свою очередь, требует реального прогресса на пути к политическому решению вооруженного конфликта в Афганистане»¹. Таким образом, результат усилий по борьбе с наркотрафиком в конечном счете будет зависеть от перспективы изменений в более широком контексте. Как говорится в настоящем докладе, политическая ситуация и ситуация с безопасностью в Афганистане могут ухудшиться после 2014 года, что приведет к активизации торговли наркотиками. Это подчеркивает императивную необходимость для российских и американских политиков проявить политическую волю для возобновления и, возможно, даже расширения сотрудничества, несмотря на наличие расхождений по другим вопросам. Возобновление сотрудничества между Россией и США, подкрепленного

совместными усилиями региональных партнеров и международных организаций, является залогом реализации надежд на более светлое будущее.

Несмотря на значительную степень неопределенности развития событий в период после 2014 года, исключая любые точные прогнозы, представляется возможным наметить в общих чертах вероятные сценарии. Данный доклад разбит на три части. В первой части дается краткий обзор советского опыта ухода из Афганистана и последовавшего за ним в конце 1980-х годов переходного периода. Этот обзор важен для того, чтобы осветить как предыдущие уроки, так и потенциальные риски. Во второй части содержится краткий анализ ситуации в области безопасности, политического и экономического климата в Афганистане на конец 2014 года. Третья часть, базирующаяся на первых двух, предлагает несколько возможных сценариев на период после 2014 года, в основу которых положены различные допущения относительно ключевых переменных параметров, таких как итоги политической трансформации и влияние различных вариантов складывания общественно-политической обстановки на наркотрафик. Описанные нами сценарии призваны проинформировать государственных деятелей как в Российской Федерации, так и в США относительно приоритетных областей сотрудничества с целью повлиять на формирование обстановки на афганском направлении после 2014 года и ослабить экспансию афганских наркопотоков, представляющую угрозу для обеих сторон.

Опиумные поля
в окрестностях
Джелалабада.

Последнее «прощай»: уход из Афганистана и переходный период 1985 – 1992 годов

Хотя война в Афганистане 1980-х годов существенно отличается от афганской войны 2000-х годов, нельзя не отметить некоторые поразительные сходства.

Переходный период, ожидающий Афганистан после 2014 года, не является чем-то беспрецедентным в новейшей истории страны. Крупное вторжение иностранных войск в Афганистан завершилось немногим более 20 лет назад. Многие участники того конфликта оказались вовлечены и в нынешний конфликт (хотя прежние союзники теперь являются врагами, и наоборот). Исходя из этого, изучение опыта ухода Советского Союза из Афганистана представляется полезным для того, чтобы смоделировать возможные варианты развития ситуации по завершении миссии МССБ.

Хотя война в Афганистане 1980-х годов существенно отличается от афганской войны 2000-х годов, нельзя не отметить некоторые поразительные сходства. Самым заметным из них является то, что советское правительство, также как США и МССБ, столкнулось с проблемой выхода из затянувшегося конфликта при одновременном обеспечении хотя бы некоторой стабильности правительства в Кабуле. И в той, и в другой ситуации правящие круги в Кабуле были разделены по региональному, этническому и политическому признакам. В обоих случаях экономика Афганистана существенно (хотя и в разной степени) зависела от иностранной помощи, а силы, противостоявшие правительству, в определенной мере пользовались неприкосновенностью и опирались на поддержку из-за границы².

Еще важнее то, что в обоих случаях будущее после ухода из Афганистана и переходного периода выглядело весьма туманно. Многие аналитики предвидели скорое падение кабульского режима после вывода войск в 1989 году³. Хотя в отношении перспектив кабульского руководства после 2014 года мнения большинства экспертов не столь категоричны, некоторые высказывают опасения насчет

будущего и даже насчет выживания нынешнего правительства⁴. Имеющиеся сходства позволяют говорить о том, что исследование опыта ухода Советского Союза из Афганистана и последующего переходного периода представляется продуктивным. Во-первых, этот опыт представляет собой основу для обдумывания сценариев на период после 2014 года. Во-вторых, он свидетельствует о том, что самые мрачные варианты развития событий после 2014 года могут быть, по крайней мере, потенциально предотвращены совместными усилиями международного сообщества, в том числе совместными усилиями России и США.

В 1986 году советское руководство начало кулуарно планировать выход из Афганистана, где с конца 1979 года были размещены боевые части, поддерживавшие Демократическую Республику Афганистан. В декабре 1986 года советская сторона проинформировала афганского лидера Мохаммада Наджибуллу о том, что советские войска будут выведены через 18 – 24 месяца. В июле 1987 года ему было сообщено о выводе войск уже через год⁵. Когда начался реальный вывод войск и переход к новой системе власти, все было подвергнуто испытанию – национальная безопасность, политическая система, экономика страны.

Безопасность обеспечивалась правительственными силами, которые к тому времени окрепли, но все равно оставляли желать лучшего. К 1987 году афганская армия по-прежнему страдала от дезертирства, и набор военнослужащих оставался большой проблемой. Однако, в целом, правительственные силовые структуры отличались стабильностью и приобрели некоторую компетенцию. По свидетельству одного советского военного советника, к 1987 году «афганская армия была более или менее полностью реструктурирована», а «их офицеры были не так уж плохи и довольно хоро-

Советские войска
выходят из Афга-
нистана. 1988 год.

шо вооружены»⁶. Афганская разведывательная служба, известная под аббревиатурой ХАД, также стала работать гораздо лучше⁷.

В тот же период афганское правительство и его союзники предпринимали усилия, направленные на формирование народных сил охраны правопорядка или привлечение на свою сторону существующих вооруженных группировок через подкуп. В этой категории было несколько разновидностей сторонников, в том числе «пограничная милиция» и «региональные/территориальные силы». Такого рода формирования сильно отличались по размеру и компетенции: от отряда, объединяющего несколько десятков человек с огнестрельным оружием, до хорошо экипированных частей численностью в несколько тысяч убежденных бойцов. Союзники на местах зачастую получали более высокое вознаграждение за свою службу, чем бойцы государственных силовых структур. По мере вывода иностранных войск и перехода к новой системе организации власти роль неправительственных формирований в обеспечении безопасности усилилась⁸.

В целом, можно сказать, что усилия по укреплению государственных силовых структур и народных вооруженных формирований привели к ситуации, когда безопасность в стране обеспечивалась равновесием потенциалов воюющих сторон. Когда начался вывод советских войск, повстанческие силы оказались не в состоянии захватить какие-либо ключевые территории, например, главные города провинций. Но и правительство не имело возможности «выбить» повстанцев с занятых ими плацдармов в сельской местности.

Что касается политической ситуации, то она характеризовалась тем, что Наджибулла столкнулся с проблемой сохранения контроля над раскалыва-

ющейся партией, одновременно пытаясь расширить социальную базу режима. Народно-демократическая партия Афганистана (НДПА) переживала глубокий раскол на два крыла: «Хальк» (Народ) и «Парчам» (Знамя). Различия между этими двумя фракциями носили как политический, так и этнический характер: «Парчам» пользовалась преимущественной поддержкой таджиков, а «Хальк» - пуштунов. Расхождения были глубокими и неоднократно приводили к возникновению внутрипартийных конфликтов⁹.

В мае 1988 года Наджибулла назначил премьер-министром кандидата, не являвшегося членом НДПА, и приложил значительные усилия к тому, чтобы придать этому назначению видимость поддержки со стороны жизнеспособной некоммунистической части режима. И все же в правящих кругах, включая силовые структуры, появились трещины, свидетельством чему стало пресечение Наджибуллой в конце 1988 года попытки государственного переворота, инициированного группой офицеров-халькистов, и последующее изгнание из властных структур других известных представителей крыла «Хальк»¹⁰.

Говоря об экономических условиях существования режима, нельзя не упомянуть о высокой степени зависимости афганского правительства от иностранной помощи, которая была необходима для поддержания экономики и, в особенности, для оплаты личного состава сил безопасности. Характерно, что, несмотря на аграрную природу афганского общества, более половины продовольствия, потреблявшегося в Афганистане, импортировалось. И хотя правительства, сменявшие друг друга в Кабуле, зависели от иностранной помощи, по крайней мере, с восемнадцатого века, степень зависимости к 1988 году была намного выше, чем в любой другой предшествующий период¹¹.

Говоря об экономических условиях существования режима, нельзя не упомянуть о высокой степени зависимости афганского правительства от иностранной помощи, которая была необходима для поддержания экономики и, в особенности, для оплаты личного состава сил безопасности.

После попытки государственного переворота в августе 1991 года Советский Союз резко изменил свою позицию по вопросу о содействии Афганистану и согласился урезать помощь Кабулу при условии сокращения помощи повстанцам со стороны США.

По завершении вывода советских войск в начале 1989 года, повстанцы предприняли крупное наступление на город Джелалабад, расположенный на востоке страны. Однако надежды на скорую победу не оправдались: стала очевидной ограниченность возможностей ведения моджахедами традиционных боевых действий, в то время как силы, лояльные Демократической Республике Афганистан (ДРА), показали свою сплоченность и огневую мощь. Победа при Джелалабаде способствовала повышению морального духа правительственных сил¹². Этот период, по мнению ряда наблюдателей, был в наивысшей степени критическим, поскольку вывод советских войск оказал очень серьезное психологическое воздействие на правительство и силовые структуры¹³. Если бы Джелалабад закончился поражением, это скорее всего повлекло бы за собой падение режима.

После того, как советские войска были выведены, Наджибулла начал совершать политические маневры, предприняв чистку правительства ото всех лиц, не состоявших в НДПА. Одновременно он выступил с рядом дипломатических инициатив, обращенных к Соединенным Штатам Америки, и предложил повстанцам территориальную автономию в обмен на прекращение войны. Кроме того, Наджибулла стал подчеркнуто демонстрировать свою преданность как исламским ценностям, так и идеям афганского национализма¹⁴. Внешняя поддержка со стороны СССР продолжала поступать в течение всего 1989 года, в результате чего, к удивлению многих, правительство Наджибуллы не рухнуло, хотя политическая ситуация зашла в тупик.

В 1990 году положение оставалось в значительной степени таким же, как и в 1989 году, хотя произошли некоторые значимые события. Прежде всего, была предпринята попытка очередного государственного переворота, которая вновь продемонстрировала раскол между крыльями «Парчам» и «Хальк» в НДПА. Хотя Наджибулле удалось усидеть в своем кресле, угроза была весьма серьезной, так как следствие выявило причастность к заговору министра обороны.

Советский Союз продолжал оказывать режиму Наджибуллы помощь в размере, превышавшем, по оценкам, 300 миллионов долларов в месяц. Важнейшими компонентами внешней помощи были нефть и нефтепродукты, которые позволяли силовым структурам проводить операции с использованием авиации и другие мобильные операции, что обеспечивало им существенный перевес над повстанцами. Наджибулла по-прежнему направлял полученную помощь на приобретение лояльности и/или нейтралитета неправительственным вооруженным формированиям и

для вознаграждения служб безопасности, в частности ХАД. Зачастую урегулирование осуществлялось в форме «неформального примирения», при котором бывшие повстанцы прекращали боевые действия против режима без каких-либо официальных заявлений о достижении мира. Помимо обеспечения поддержки путем подкупа, Наджибулла изменил позицию по отношению к повстанческому движению, предложив создать правительство национального примирения для последующего перехода к проведению выборов. Он неоднократно предлагал наделить силовыми полномочиями комиссию, призванную наблюдать за выборами. Результатом этих усилий было дальнейшее усугубление внутреннего противостояния, при котором ни одна из сторон не могла взять верх над другой, хотя режим Наджибуллы потерял контроль над столицей одной из провинций (город Тарин Кот в провинции Урузган), где значительная часть сил безопасности сдалась без боя повстанцам.

В начале 1991 года тупиковая ситуация сохранялась, но назревали крупные изменения. В апреле было предпринято скоординированное наступление полевых командиров Хекматияра и Хаккани, при поддержке Пакистана, на административный центр Хост, которое стало первой успешной конвенциональной операцией моджахедов с использованием как танков, так и артиллерии¹⁵. Наджибулла отреагировал на сдачу Хоста и нападение моджахедов на другие города продолжением усилий по преобразованию своего режима с целью сделать его приемлемым партнером в правительстве переходного периода. Он переименовал НДПА в партию «Ватан» («Родина») и еще более сблизился с исламом. Союзнические отношения с народными вооруженными формированиями на местах также продолжали играть критически важную роль для сохранения режима¹⁶. В этот период оставались в силе неформальные или локальные договоренности о примирении.

Самым крупным изменением в 1991 году было сокращение внешней поддержки. Объем внешней помощи режиму Наджибуллы начал снижаться одновременно с нарастанием внутренних проблем в советской экономике. Сократились поставки топлива, в результате чего значительная часть военной авиации была вынуждена оставаться на земле. После попытки государственного переворота в СССР в августе 1991 года Советский Союз резко изменил свою позицию по вопросу о содействии Афганистану и согласился урезать помощь Кабулу при условии сокращения помощи повстанцам со стороны США.

В начале 1992 года перспективы относительно мирного перехода к посткоммунистическому режиму выглядели вполне благоприятными. В марте 1992 года Наджибулла пошел на последнюю уступку, которую ожидали от него многие повстанцы: он согласился уйти со своего поста. Казалось, что эта уступка делает возможным быстрое урегулирование и достижение мира. Но вскоре наступил распад. Не прошло и месяца, как режим Наджибуллы был свергнут вооруженным путем.

Стремительный развал начался с волны отступничества целого ряда военных руководителей, которые переметнулись в лагерь противника. Даже отказываясь от власти, Наджибулла старался укрепить положение правительства и предпринимал активные усилия для того, чтобы «посадить» лояльных себе людей на ключевые силовые посты. Одним из таких шагов была попытка заменить этнического таджика Абдуллу Мумина, командира гарнизона Хайратона, располагавшегося возле советской (в дальнейшем – узбекской) границы, на более лояльного пуштуна. Мумин воспротивился такому плану и обратился за помощью к лидеру народного вооруженного формирования Абдул-Рашид Дустуму. Дустум изменил правительственным силам и присоединился к полковому командиру моджахедов Ахмад-Шах Массуду, в результате чего уже через несколько недель север Афганистана оказался под контролем мятежников. Бойцы неправительственных подразделений стали один за одним переходить на сторону противника. К апрелю пал Кабул, а режиму Наджибуллы настал конец¹⁷. По требованию собственной партии Наджибулла был вынужден уйти в отставку. Не имея возможности покинуть страну, он нашел убежище в миссии ООН¹⁸.

Падение режима Наджибуллы заставляет обратить внимание на два ключевых обстоятельства, которые, скорее всего, будут иметь критическое значение для решения судьбы Афганистана после 2014 года. Первое – это важность политического консенсуса внутри режима и, в особенности, в силовых структурах. Внутренняя борьба, попытки переворотов и, в конце концов, предательство силовиков – все эти события представляли для режима гораздо большую опасность, чем прямая угроза со стороны мятежников. За два года противостояния повстанцы захватили лишь две отдаленные провинциальные столицы, в то время как измена Мумина и Дустума привела к краху режима буквально в считанные недели.

Второе обстоятельство – это значимость внешней поддержки для выживания режима. Режим Наджибуллы и его силовые структуры сражались во время боевых действий на начальном этапе в 1989

году гораздо лучше, чем можно было ожидать, и отчасти это объяснялось хорошим снабжением, в особенности топливом. Аналогичным образом, афганская экономика, хотя и пострадавшая во время войны, продолжала функционировать благодаря крупным вливаниям иностранной помощи и поставкам из-за рубежа. Однако по мере сокращения, а впоследствии и полного прекращения таких вливаний, положение в области безопасности и экономическая ситуация в стране ухудшились.

Очевидно, что эти два фактора в конечном счете взаимосвязаны. Хотя уменьшение объемов внешней помощи не привело к расколу в рядах Наджибуллы, сокращение поставок означало, во-первых, меньше возможностей покупать лояльность, а, во-вторых, нехватку топлива для правительственной авиации. Сокращение ресурсов означало также, что шансы мятежников на победу, весьма туманные после первых успехов сил Наджибуллы в 1989 году, стали выглядеть более оптимистично, в связи с чем перспективы перехода на сторону противника приобрели большую привлекательность.

Безусловно, Афганистан после 2014 года будет во многом отличаться от Афганистана после 1989 года, и все же два фактора, описанные выше, будут играть ключевую роль при любом сценарии. Более того, опыт развития событий после 1989 года свидетельствует о том, что тщательные усилия по организации процесса вывода войск и переходного периода после 2014 года могут иметь положительный эффект. Как отмечает американский аналитик Лез Грау, «советский план организованного ухода был успешно осуществлен и может служить моделью аналогичных действий в условиях схожих стран»¹⁹. В то же время, опыт развития событий после 1989 года показывает, что первоначальный успех в осуществлении вывода войск и организации переходного периода не является гарантией будущей стабильности. Режим Наджибуллы продержался гораздо дольше, чем можно было ожидать, но затем развалился очень быстро.

Последний урок, который можно извлечь, анализируя вывод советских войск, состоит в том, что стремительное крушение режима может привести к резкому росту производства наркотиков. Согласно одной из безрадостных оценок, по состоянию на конец 1992 года «расцветшая бурным цветом наркоторговля стала единственным существенным источником дохода для опустошенной войной страны»²⁰. Избежать (в максимально возможной степени) повторения случившегося в период после 2014 года должно быть главной задачей политического курса как России, так и США.

Последний урок, который можно извлечь, анализируя вывод советских войск, состоит в том, что стремительное крушение режима может привести к резкому росту производства наркотиков.

Ситуация в Афганистане на современном этапе

Ситуация с безопасностью в Афганистане значительно ухудшилась за истекший 2014 год по ряду направлений.

Нынешняя ситуация в области политики, экономики и безопасности в Афганистане неустойчива, однако далека от катастрофичности. В данном разделе анализируются указанные аспекты и обсуждаются возможные сценарии развития событий после 2014 года.

Безопасность в Афганистане

Ситуация с безопасностью в Афганистане значительно ухудшилась за истекший 2014 год по ряду направлений. Прежде всего, эффективность работы Афганских сил национальной безопасности (АСНБ) оставляла желать лучшего. Были, правда, и позитивные моменты. АСНБ, представляющие собой широкое объединение силовых структур, включая Афганскую национальную армию, Афганскую национальную полицию и Национальное управление безопасности, решительно взяли на себя ответственность за борьбу с Талибаном, что нельзя не назвать важным шагом. Согласно последним официальным данным правительства США, из общего количества времени, потраченного на боевые операции, 90 процентов приходится на действия, предпринимаемые АСНБ самостоятельно, без привлечения Международных сил содействия безопасности в Афганистане (МССБ)²¹.

Кроме того, АСНБ смогли обеспечить безопасность во время первого и второго туров президентских выборов 2014 года. Хотя при проведении первого тура голосования в апреле наблюдались значительные всплески насилия, они не сорвали проведение выборов. В целом, была зарегистрирована достаточно высокая явка избирателей²². То же самое можно сказать и о втором туре выборов, который проходил в июне. Правда, некоторые аналитики полагают, что в обоих случаях Талибан намеренно предпочел не предпринимать крупномасштабных нападений²³.

АСНБ, в сотрудничестве с МССБ, удалось ослабить (хотя и не устранить) угрозу диверсий. Эти сов-

местные достижения потребовали значительных усилий по сбору и проверке правильности контрразведывательной информации, а также большой работы по укреплению взаимопонимания между персоналом АСНБ и МССБ. И хотя в августе 2014 года в результате вооруженного нападения со стороны военнослужащего в афганской форме был убит американский генерал-майор^a, общий уровень угрозы за последние 18 месяцев существенно снизился²⁴.

Тем не менее, определенные яркие моменты в деятельности АСНБ были сведены на нет неудачами в ходе боевых действий прошлым летом. Талибану удалось вытеснить АСНБ с различных ключевых позиций по всей стране. Потери зачастую носили кратковременный характер, однако со всей очевидностью продемонстрировали, что возможности АСНБ по-прежнему ограничены. Так, в северной провинции Фарьяб Талибан смог захватить важнейшие части стратегического района Кайзар и удерживал их на протяжении трех недель в апреле прошлого года. Угроза со стороны Талибана сохранялась в отношении чрезмерно распродоточенных сил АСНБ в течение всего летнего периода²⁵. Аналогичные нападения происходили в течение всего лета на востоке, в особенности, в провинции Нангархар, контроль над которой имеет решающее значение в условиях Афганистана²⁶.

С точки зрения противостояния наркотической угрозе наибольшую тревогу вызывали ожесточенные бои в ключевых регионах – производителях опиума. Последние данные военной разведки США свидетельствуют о том, что шесть из десяти районов с наиболее высоким уровнем насилия, инициированного Талибаном, находятся в Гильменде и Кандагаре. Согласно тому же отчету, 17 процентов зарегистрированных в общенациональном масштабе случаев нападения со стороны

a Two-star general - соответствует российскому званию «генерал-лейтенант» (прим. пер.)

b В военных текстах под логистикой как правило понимается тыловое или материально-техническое

талибов приходилось всего лишь на четыре района в Гильменде²⁷.

К началу сентября 2014 г. в прессе появились публикации, указывающие на то, что в результате наступательных операций в двух районах провинции Гильменд – Сангин и Муса-Кала – Талибану почти что удалось вытеснить оттуда силы АСНБ. Речь идет о крупных площадях, на которых выращивается опиумный мак. Сообщалось, что Талибану оказывали помощь наркоторговцы. Кроме того, представители Талибана со всей откровенностью отмечали, что значительное снижение риска авиационных ударов со стороны МССБ позволило им сконцентрировать силы для наземных нападений. Ясно, что такое признание не может не вызывать беспокойства в отношении развития событий после 2014 года²⁸.

Участие в ожесточенных боевых действиях способствовало существенному сокращению личного состава АСНБ как из-за потерь убитыми и ранеными, так и вследствие самовольного оставления частей военнослужащими²⁹. Опять-таки эта тенденция наиболее отчетливо проявила себя в ряде районов – производителях опиума. Так, по официальным данным численность личного состава 215-го корпуса Афганской национальной армии (АНА), базирующегося в Гильменде, только за март 2014 года уменьшилась на 4,1 процента, а ведь до разгара боев тогда еще было далеко³⁰. Есть все основания предполагать, что эта цифра увеличилась в ходе летнего сезона боевых действий, когда по силам АНА (как и по другим войскам в составе АСНБ) был нанесен мощный удар в районах Сангин и Муса-Кала.

Нельзя не учитывать, что официальные цифры убыли личного состава могут затушевывать проблему. Независимый анализ состояния АСНБ выявил постоянное наличие «мертвых душ» - военнослужащих, которые значатся в зарплатных ведомостях, но на самом деле не существуют или никогда не отчитываются об исполнении ими своих служебных обязанностей³¹. Масштаб этого явления трудно оценить, однако, по всей видимости, фактическая численность личного состава некоторых частей ниже, чем показано на бумаге. Таким образом, хотя абсолютные цифры убыли личного состава, вполне возможно, соответствуют действительности, процент убыли по отношению к фактической численности силовых подразделений, вероятно, выше.

Помимо бремени ожесточенных боев, на эффективность деятельности АСНБ негативно влияют факторы, связанные с отставанием по ряду критических направлений. Наиболее значимыми

являются, пожалуй, логистика^с и техническое обслуживание. В докладе военного ведомства США за апрель 2014 года утверждалось с предельной ясностью:

На всех уровнях, начиная с министерств и заканчивая подразделениями, осуществляющими тактические операции, правительство Исламской Республики Афганистан сталкивалось с одной и той же ключевой проблемой - проблемой развертывания эффективной, интегрированной системы логистики и обеспечения для АСНБ. Нехватка обученных специалистов по техническому обслуживанию, наряду с неспособностью существующей логистической системы адекватно решать задачи по снабжению боевых частей в полевых условиях, негативно влияли на все без исключения части АСНБ³².

Присутствие МССБ способствовало снятию остроты некоторых проблем с логистикой и техобслуживанием, однако в новых условиях после 2014 года решать эти вопросы будет значительно труднее. Без эффективной системы логистики и технического обслуживания АСНБ просто не смогут противостоять Талибану.

Логистические трудности будут усугубляться ограниченностью возможностей АСНБ в плане разведки. В настоящее время эта ограниченность отчасти компенсируется МССБ, главным образом, благодаря технической разведке. Но, как и в ситуации с логистикой, такая поддержка окажется проблематичной после 2014 года. Кроме того, обмен разведывательными данными между Афганской национальной армией (АНА), Афганской национальной полицией (АНП) и Национальным управлением безопасности (НУБ) по-прежнему затруднен из-за бюрократических барьеров. В результате даже в тех случаях, когда одна из структур в составе АСНБ получает какую-либо разведывательную информацию, такая информация не всегда должным образом используется³³.

В ходе сезона боевых операций в 2014 году Талибан рассматривал разведывательные силы и средства АСНБ в качестве приоритетной мишени. Это было особенно очевидно при нанесении ударов по Национальному управлению безопасности, которое специализируется на сборе разведывательных данных. За период менее двух недель в конце августа - начале сентября 2014 года Талибан подверг массированным атакам штаб-квартиры НУБ в провинциях Нангархар, Вардак и Газни³⁴. В

^с В военных текстах под логистикой как правило понимается тыловое или материально-техническое обеспечение (прим. пер.).

Без эффективной системы логистики и технического обслуживания АСНБ просто не смогут противостоять Талибану.

сочетании с существующими слабостями в системе разведки АСНБ последствия этих ударов могут привести к серьезным осложнениям после 2014 года.

Помимо конкретных проблем, описанных нами выше, АСНБ почти полностью зависят от внешнего финансирования. Поддержание нынешней численности личного состава и структуры АСНБ требует приблизительно 6 миллиардов долларов в год, из которых сам Афганистан в состоянии ежегодно выделять около 500 миллионов. Разница может быть покрыта только за счет внешней помощи, однако предоставляющие ее спонсоры не горят желанием сохранять поддержку на том же уровне бесконечно³⁵.

Наконец, коррупция, патронажные схемы и политизация продолжают наносить непоправимый вред АСНБ. Политические факторы более подробно анализируются в следующем разделе. Здесь достаточно будет сказать, что все они влияют на деятельность АСНБ. В результате руководители АСНБ зачастую назначаются на должности за их способность давать взятки и заручаться патронажной поддержкой, а не за боевую эффективность. Как и при предшествовавшем режиме Наджибуллы, эти факторы тесно связаны с этническим разделением страны на пуштунов, представляющих собой большинство, и находящихся в меньшинстве таджиков, узбеков и хазарейцев³⁶.

Все эти общие проблемы, характерные для АСНБ, влияют на возможности Антинаркотической полиции Афганистана. Важно отметить, что еще до начала сезона боевых действий и нанесения талибами массированных ударов по Гильменду интенсивность мероприятий по пресечению производства и оборота наркотиков значительно снизилась в южных районах страны. Это было отчасти обусловлено выводом частей МССБ, присутствие которых делало возможным проведение антинаркотических операций, но также общей ситуацией в Афганистане, характеризовавшейся снижением уровня безопасности. По всей видимости, в летний период противодействие наркотикам еще более ослабло³⁷.

Ряд руководителей АСНБ обвиняются в связях с наркопроизводителями или наркоторговцами³⁸. Нельзя не упомянуть начальника Кандагарской полиции генерала Абдула Разика, которому приписывают широкомасштабное длительное участие в незаконном обороте опиума. Аналогичные обвинения были выдвинуты против начальника полиции Урузгана³⁹. Хотя эти обвинения так и не были доказаны, они ярко высвечивают проблемы, связанные с использованием АСНБ для пресече-

ния наркотрафика и ликвидации наркоплантаций.

Ухудшение ситуации в области безопасности тяжело сказалось на мирном населении. Согласно данным Миссии ООН по содействию Афганистану (МООНСА), потери среди гражданского населения значительно выросли в первом полугодии 2014 года. Изменились также причины гибели людей и получения ими увечий: стало больше гражданских лиц, убитых или пострадавших в перестрелках между АСНБ и талибами, при этом уменьшилось число подорвавшихся на самодельных взрывных устройствах⁴⁰. Это еще раз заставляет обратить внимание на возросшую способность Талибана сосредоточивать силы и проводить военные операции, а не только опираться на тактику подрыва путей подвоза и дезорганизации движения.

Наконец, важно отметить, что переходный период будет иметь серьезные последствия для различных частных и полустатных охранных предприятий, которых в Афганистане появилось великое множество, начиная с 2001 года. По состоянию на 2012 год число таких частных предприятий, предоставлявших охранные услуги, оценивалось в диапазоне от 30 тысяч до 70 тысяч. В результате ухода МССБ многие из охранных компаний-подрядчиков окажутся (или уже оказались) без работы. Это создает почву для распространения бандитизма и грабительства, не говоря уже о пополнении рядов мятежников. Самое меньшее, что можно констатировать, это отсутствие недостатка в вооруженных мужчинах, готовых предлагать «силовые услуги» наркоторговцам⁴¹.

Политическая ситуация в Афганистане

Мы уже говорили о том, что ситуация в области безопасности в Афганистане чрезвычайно осложнилась в 2014 году. Политическая ситуация выглядела на этом фоне не менее, если не более тревожной. Предполагалось, что президентские выборы откроют новую эпоху после Карзая, которая, как надеялась, по крайней мере, некоторая часть наблюдателей, ослабит едва сдерживаемое напряжение как внутри самого Афганистана, так и между афганским правительством и Западом. Вместо этого президентские выборы спровоцировали кризис, который мог подорвать жизнеспособность политического порядка, установившегося после свержения режима талибов.

Ядром кризиса является конфронтация между двумя коалициями, сформировавшимися вокруг кандидатов на президентский пост Абдуллы Абдуллы и Ашрафа Гани. Абдулла - кандидат в президенты,

Ситуация в области безопасности в Афганистане чрезвычайно осложнилась в 2014 году. Политическая ситуация выглядела на этом фоне не менее, если не более тревожной.

Некоторые аналитики считают, что четкое разделение избирателей на два лагеря, проявившееся в их отношении к политическим кандидатам на выборах, отражает рост напряженности между таджиками и пуштунами. Такая напряженность сама по себе не нова, но, возможно, она достигла максимума за период после 2001 года.

наиболее тесно связанный с Северным Альянсом и, в особенности, с панджшерскими таджиками. В целях увеличения числа своих сторонников, Абдулла назначил своими заместителями Инженера Мохаммада Хана, пуштуна из Исламской партии, и Мохаммада Мохакка, хазарейца, имеющего давние связи с Северным Альянсом⁴². Эта коалиция успешно выступила в первом туре президентских выборов, однако чуть-чуть недобрала голосов для того, чтобы избежать второго тура. Во втором туре Абдулла заручился дополнительной поддержкой тех кандидатов, которые выбыли из гонки, в том числе кандидата, которого, по мнению многих, поддерживал Карзай - бывшего министра иностранных дел Залмая Расула.

Коалиция Гани включает сторонников генерала Абдула Рашида Дустума, сохраняющего за собой внушительную политическую поддержку со стороны узбеков, и Сарвара Даниша, хазарейца из центральной провинции Дайкунди. Хотя результаты первого тура для коалиции Гани были не столь успешными, как для коалиции Абдуллы, Гани также расширил круг своих сторонников за счет кандидатов, не прошедших во второй тур. Наиболее известным из них был Ахмад Зия Масуд, по национальности таджик из Панджшера, выступавший в первом туре вместе с Залмаем Расулом в качестве кандидата в вице-президенты.

Результаты второго тура президентских выборов ожесточенно оспаривались, причем обвинения в подтасовках звучали из обоих лагерей, но громче всего – из коалиции Абдуллы. Трудоемкий пересчет бюллетеней закончился заключением соглашения о том, что Гани займет пост президента, в то время как Абдулла будет назначен на вновь образованную должность «главы исполнительной власти». Такую договоренность о разделе власти никак нельзя назвать прочной, однако потенциально она могла бы разрешить конфликт между сторонниками двух кандидатов. Оба политика заняли свои соответствующие должности и были приведены к присяге в конце сентября 2014 года⁴³.

Вскоре они подписали Двустороннее соглашение о безопасности с Соединенными Штатами Америки (далее – «Двустороннее соглашение»), являющееся принципиально важным для сохранения определенного уровня международной поддержки в период после 2014 года, в том числе войсками численностью около 10 000 человек. Двустороннее соглашение не устанавливает точно цель пребывания и численность американских войск в Афганистане, но запрещает им вести боевые действия иначе, как при наличии взаимной договоренности с афганским правительством. Тем не менее, в ноябре 2014 года администрация Обамы

приняла решение о том, что по просьбе афганской стороны американские войска продолжат участвовать в боевых операциях, в частности, путем предоставления авиационной поддержки АСНБ, после 2014 года⁴⁴. В дополнение к Двустороннему соглашению, правительство Афганистана подписало также параллельное соглашение с НАТО о дислоцировании иностранных войск численностью около 5 тысяч человек, хотя эти войска, по существу на настоящий момент договоренности, в боевых действиях участвовать не будут.

Некоторые аналитики считают, что четкое разделение избирателей на два лагеря, проявившееся в их отношении к политическим кандидатам на выборах, отражает рост напряженности между таджиками и пуштунами. Такая напряженность сама по себе не нова, но, возможно, она достигла максимума за период после 2001 года. В частности, исследователи указывают на то, что в последнее время наблюдается пробуждение или возрождение пуштунского национализма, на волне которого Гани удалось занять президентский пост. В такой ситуации возможности политического маневрирования чрезвычайно ограничены, особенно для Гани. Если он не будет удовлетворять пуштунских избирателей, он рискует вскоре растерять всю свою популярность.

Помимо шумихи вокруг итогов президентских выборов, в 2014 году в стране происходили и другие важные политические события, которые способствовали усилению внутренней нестабильности. Пожалуй, самым значимым из них была смерть (от диабета) маршала Мохаммада Касима Фахима, одного из вице-президентов при Карзае. Фахим, по происхождению панджшерский таджик, имел репутацию человека, способного установить дисциплину с применением кнута и пряника в рядах конфликтующих группировок, составляющих Северный Альянс. В частности, его считали сыгравшим важную роль в установлении и поддержании контроля над влиятельным губернатором ключевой северной провинции Балх Аттой Мохаммадом Нуром. В течение долгого времени Фахим был связующим звеном между правительством и Северным Альянсом⁴⁵. В отсутствие этого человека, соединявшего в себе качества силовика и медиатора, нынешний политический кризис становится еще более напряженным и трудноразрешимым.

Существующие разногласия заставляют обратить внимание на одно важное различие между выводом из Афганистана советских войск и МССБ и последовавшими переходными периодами. Советский Союз имел в Афганистане партнера, обладавшего, по мнению ряда свидетелей, харизмой и сильной волей, который оказался в ситуа-

ции конфликта между группировками «Парчам» и «Хальк», во многом схожей с нынешней ситуацией противостояния. Наличие такой сильной опоры, как ХАД, способствовало укреплению позиций тогдашнего афганского лидера. Что касается Гани, то он находится в условиях не менее острой политической конфронтации. При этом неизвестно, обладает ли он столь же сильной харизмой, беспощадной волей и поддержкой со стороны спецслужб, какие были у Наджибуллы⁴⁶.

Связи между отдельными политическими группировками и элементами внутри АСНБ еще более усугубляют кризис, так как делают возможным дробление АСНБ на части или даже попытку государственного переворота. В августе 2014 года афганское правительство выдворило из страны журналиста The New York Times, обвинив его в распространении якобы имевших место ложных слухов и намеков ряда афганских официальных лиц относительно возможного формирования нового правительства⁴⁷. И хотя слухи о вероятности переворота невозможно подтвердить, они не сводились только к одной публикации в The New York Times⁴⁸.

Политическая жизнь на региональном и местном уровнях отражает противостояние, существующее наверху, одновременно впитывая в себя соперничество и конфликты локального происхождения. Как уже отмечалось, губернатор провинции Балх, хоть и связан с Абдуллой, имеет собственную политическую программу. Все существующие в Афганистане политические группировки в той или иной степени несут на себе отпечаток межэтнических противоречий. Таким образом, даже если на общенациональном уровне достигнута договоренность о разделе власти сохранится в силе, это не разрешит всех политических проблем. Разногласия и столкновения между центром и периферией не раз повторялись в афганской политической истории, составляя ее постоянный фон. Период после 2014 года вряд ли будет отличаться в этом отношении⁴⁹.

Политические вопросы и, в частности, вопросы безопасности, тесно связаны с производством опиума. Успех в уничтожении опиумных плантаций в провинции Балх во многом объяснялся тем, что решению этой задачи придавал важное значение губернатор Атта, проявивший последовательность и упорство, несмотря на недостаточную внешнюю поддержку. Предпринятые им усилия по ограничению опиума были подкреплены общей концентрацией власти и относительно крепким состоянием локальной экономики. Борьба с опиумным маком не только по силам губернатору, но и отвечает его интересам.

Напротив, как было выявлено в полевом исследовании Дэвида Мэнсфилда, в соседнем Бадахшане государство оказалось не в состоянии принудительно исполнять свои предписания, и поэтому борьба с опиумом происходила по-разному в зависимости от географии той или иной территории⁵⁰. Власть в Бадахшане раздроблена: политическая группировка, связанная с министром обороны Бисмиллой Ханом (таджиком), находится в конфронтации с депутатом парламента и местным «авторитетом» Залмаем Ханом. Д. Мэнсфилд отмечает: «соперничество и антипатия между этими двумя силами таковы, что вторжение повстанческих отрядов на территорию провинции отчасти приписывается действиям обеих сторон в стремлении подорвать сети под патронажем соперника»⁵¹. Талибы безусловно приобрели популярность в некоторых районах Бадахшана благодаря тому, что блокировали работы по уничтожению опиумных плантаций.

Отсутствие политического единства характерно не только для правительственных сил. В широком диапазоне движений, именуемых Талибан, существуют группировки самых разных направлений. Одну из них следует упомянуть прежде всего: это полуавтономная сеть Хаккани. Кроме того, Талибан сталкивается с теми же проблемами противостояния между центром и периферией, что и центральное правительство. Аналитики обращают внимание на противоречия между руководством, базирующимся в Пакистане, и полевыми командирами в Афганистане⁵². В 1980-е годы среди повстанцев наблюдались аналогичные разногласия, которые, возможно, способствовали хаосу в период после 1992 года. Ниже приводится цитата, которая относится к 1991 году, но может вновь обрести актуальность в ближайшем будущем:

Неудивительно, что многие полевые командиры, утратившие иллюзии из-за непрерывных стычек среди руководства, заявили о своей автономии и перешли к реализации собственных амбиций, встав либо на путь борьбы с правительственными силами, либо на путь тайных сделок с Кабулом. Во многих так называемых «освобожденных» районах полевые командиры установили свои соответствующие «сферы контроля», взимая сборы за проезд по своей территории пассажиров, грузовиков и автобусов, а нередко и субсидируя связанные с ними банды моджахедов за счет доходов от выращивания махуаны»⁵³.

Все эти противоречия, возможно, означают, что после 2014 года Талибан станет менее, а не более внушительным противником, поскольку с уходом

Политическая жизнь на региональном и местном уровнях отражает противостояние, существующее наверху, одновременно впитывая в себя соперничество и конфликты локального происхождения.

Значительная доля валового внутреннего продукта (ВВП) Афганистана приходится на международную помощь, которую оказывают как иностранные правительства, так и неправительственные организации.

МССБ в его рядах может с новой силой развернуться междоусобная борьба. Дэвид Мэнсфилд считает, что уже сейчас на многих участках трудно (а порой и невозможно) говорить о «Талибане» как о единой структуре⁵⁴. Пока МССБ еще не выведены, уровень сплоченности внутри Талибана достаточен для того, чтобы осуществлять крупные нападения, однако перспектива дальнейшей дезинтеграции остается реальной.

Экономическое положение Афганистана

Состояние афганской экономики в 2014 году никак нельзя было назвать хорошим. Государственные доходы сократились, что вызвало необходимость заключения соглашения о внешней поддержке⁵⁵. Согласно данным Всемирного банка, уже в 2013 году наблюдалось падение уровня доверия к экономике со стороны потребителей и инвесторов по причине неопределенности ситуации после 2014 года⁵⁶. С тех пор уровень доверия вряд ли мог существенно повыситься ввиду проблем с безопасностью и политических конфликтов недавнего времени.

Исследование, выпущенное Афганской торгово-промышленной палатой в июле 2014 года, выявило, что состояние бизнеса на тот момент было хуже, чем предприниматели ожидали тремя месяцами ранее. Более того, как отмечалось в итоговом докладе, «значительное число компаний сообщили о том, что они закрыли или уменьшили объем своего бизнеса. По крайней мере, 9,9% работников компаний, составлявших предмет исследования, потеряли работу в наиболее благоприятный сезон года, что является беспрецедентным за всю историю наших наблюдений»⁵⁷.

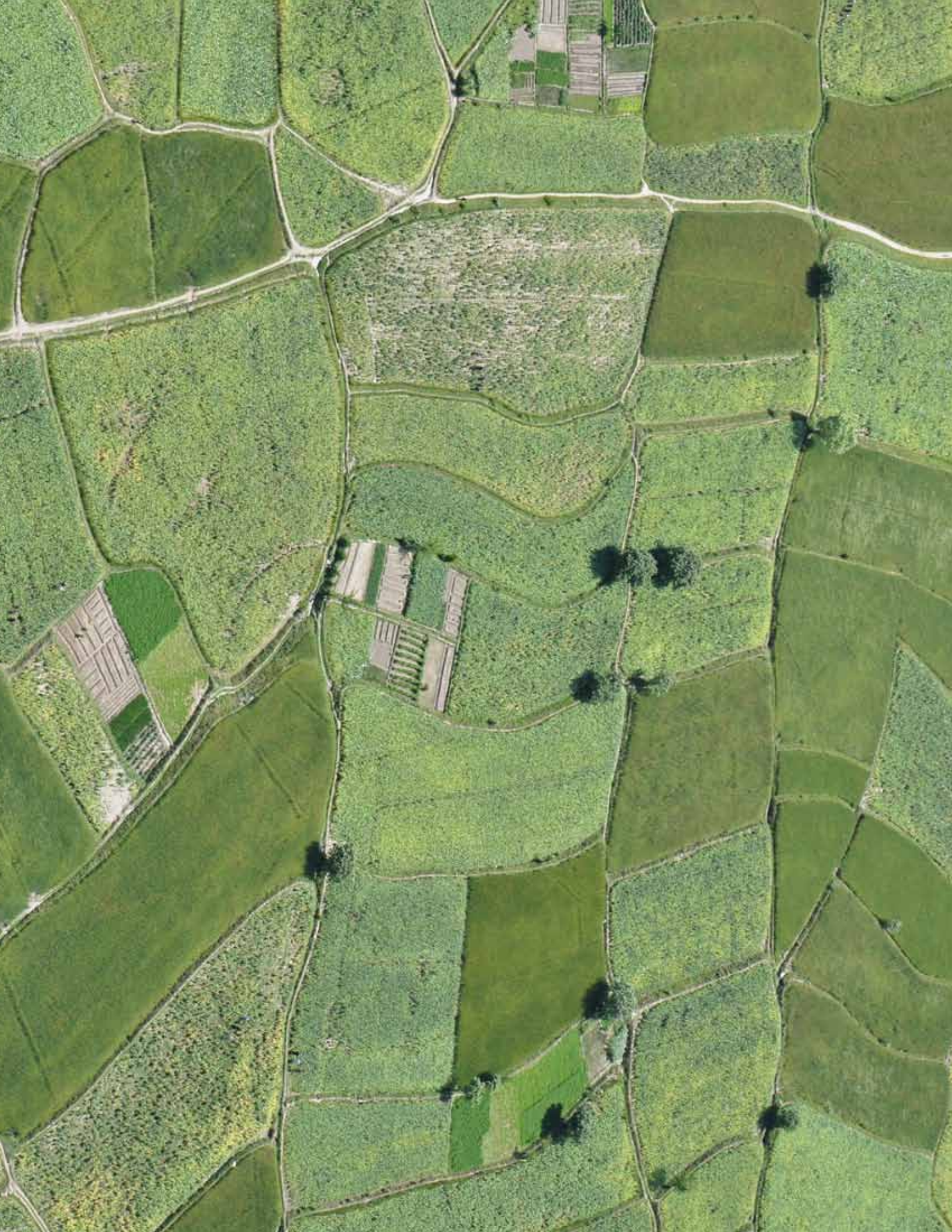
Значительная доля валового внутреннего продукта (ВВП) Афганистана приходится на международную помощь, которую оказывают как иностранные правительства, так и неправительственные организации⁵⁸. Это включает расходы на АСНБ, которые косвенным образом поддерживают экономику, так как позволяют выплачивать заработную плату работникам АСНБ и осуществлять закупки внутри страны различных товаров, например, продуктов питания. Сюда входят также средства, расходующиеся МССБ внутри Афганистана на такие нужды, как снабжение из местных источников, аренда помещений, транспорт и т.п. В результате

в экономике образовался своего рода мыльный пузырь, который может лопнуть в любое время в случае, если объем международной помощи значительно сократится после 2014 года.

Фактором, еще более усугубляющим чреватую взрывом экономическую ситуацию в Афганистане, являются завышенные ожидания афганцев. Ряд аналитиков обратили внимание на искреннюю (как представляется) веру части афганского населения в то, что через несколько лет их страна будет богатой. Распространению такого рода настроений способствовали риторические заявления международных и местных деятелей на тему об афганских природных ресурсах, символом которых является медный рудник Айнак недалеко от Кабула. На деле же этот рудник, как и в целом возможность развития в Афганистане добычи полезных ископаемых, - это скорее красивая «картинка», а не реальная перспектива, по крайней мере, если иметь в виду ближайшее будущее⁵⁹. Существующий разрыв между ожиданиями и действительностью опасен, так как потенциально может стать фактором, разжигающим недовольство правительством.

Хотя проблемы, обозначенные выше, затрагивают афганскую экономику в целом, нельзя не отметить существенные региональные различия. Северные районы с центром в Мазари-Шарифе и западные районы с центром в Герате имеют выход на международные рынки (Среднюю Азию и Иран, соответственно), что сделало их в некотором смысле более динамичными и менее зависимыми от иностранной помощи, чем другие территории. Учитывая более благоприятное положение с точки зрения безопасности, указанные районы, скорее всего, опередят другие региональные центры (Кабул, Кандагар и Джелалабад) по экономическим показателям после 2014 года.

К несчастью, единственная отрасль афганской экономики, которая, по всей видимости, находится в отличном состоянии, - это производство опиума⁶⁰. Согласно некоторым прогнозам, 2014 год станет для Афганистана рекордным по объему производства наркотиков⁶¹. Хотя внимательные исследователи отмечают вариативность в распространении опиумных плантаций и видят в этом некоторые основания для оптимизма в отношении периода после 2014 года, в настоящее время тенденция развивается негативным образом⁶².

Сценарии будущего для Афганистана

Стабильная «ничья» - это состояние, при котором ни правительство, ни Талибан не имеют возможности достичь быстрой и/или решительной победы, но при этом обе стороны в определенной степени изнурены.

Исходя как из советского опыта, так и из предыдущего анализа базовых характеристик нынешней ситуации, представляется возможным обозначить четыре основных сценария развития событий в Афганистане после 2014 года. В основу этих сценариев положены следующие ключевые переменные: степень политического единства внутри страны (высокая или низкая) и уровень внешней поддержки (средний или низкий).

В данном контексте политическое единство означает, прежде всего, сохранение согласия, достигнутого между лагерями Гани и Абдуллы (или поддержка в силе эквивалентной договоренности). В реальности это предполагает не то, что соперники будут с большой теплотой обнимать друг друга, а то, что они смогут договариваться о распределении политических и экономических ресурсов, достаточных для поддержания жизнеспособности каждой из этих двух сил. Политическое единство означает также, что межэтнические противоречия не выйдут из-под контроля. Напротив, в случае низкой степени единства внутри страны национальное согласие не продержится долго по окончании 2014 года и/или межэтнические противоречия приобретут еще большую остроту.

Для целей настоящей главы внешняя поддержка определяется как продолжающаяся поддержка афганского правительства со стороны международного сообщества. Умеренный уровень поддержки означает, что международное сообщество продолжает предоставлять значительную финансовую помощь АСНБ и афганской экономике при сохранении в Афганистане, в значительно сокращенном виде, международных войск в целях обучения, консультирования и оказания содействия

АСНБ. Низкий (или нулевой) уровень поддержки предполагает предоставление международным сообществом существенно меньшего объема ресурсов при отсутствии или чрезвычайно ограниченном присутствии в Афганистане международных войск.

Комбинирование двух вышеуказанных переменных дает нам четыре теоретически возможных сценария, которые представлены в таблице (см. Табл. 1).

В этой главе приводится краткое описание каждого из четырех сценариев. При этом основное внимание уделяется не детализации различных возможных вариаций в рамках каждого отдельного сценария, а анализу вероятных последствий того или иного развития событий для афганских лидеров, ответственных за принятие политических решений, причем в каждом случае с акцентом на борьбу с наркотиками. Мы видим свою задачу в том, чтобы предложить политикам структурированный механизм оценки вариантов развития событий в будущем и определить, в каких областях российско-американское сотрудничество с наибольшей вероятностью окажется эффективным для ослабления наркоугрозы, представляющей опасность для обеих стран.

Стабильная «ничья»

Наилучшим из всех возможных вариантов для Афганистана после 2014 года было бы поддержание стабильной «ничьи» между правительством и Талибаном. Конечно, полная победа правительственных сил была бы предпочтительнее, однако с учетом текущей ситуации и тенденций на буду-

	При низком уровне политического единства	При высоком уровне политического единства
При среднем уровне внешней поддержки	Предотвращение распада страны	Стабильная «ничья»
При низком уровне внешней поддержки	Возврат к полевым командирам	Сдача позиций Талибану

Табл. 1. Возможные сценарии

щее она представляется маловероятной. И все же, при условии сохранения политического единства и внешней поддержки, правительственные силы могли бы, по крайней мере, добиться «ничьи».

Стабильная «ничья» - это состояние, при котором ни правительство, ни Талибан не имеют возможности достичь быстрой и/или решительной победы, но при этом обе стороны в определенной степени изнурены. Такое состояние потенциально может привести к успешному урегулированию конфликта путем переговоров, коль скоро обе стороны поймут, что решительная победа невозможна. Некоторые аналитики предполагают, что «болезненная для обеих сторон «ничья»» является одним из условий урегулирования⁶³.

Сценарий стабильной «ничьи» после 2014 года имеет наибольшее сходство с нынешней ситуацией. Этот сценарий предполагает, что политический компромисс между интересами групп, которые представляют президент Гани и премьер-министр Абдулла, сохранится, хотя детали развития событий могут быть различными (например, Абдулла может уйти со своего нынешнего поста, но при этом продолжит играть активную политическую роль). Обе стороны смогут обеспечить определенный уровень дисциплины в своих ря-

дах с тем, чтобы ограничить возможность столкновений между участниками правительственной коалиции (наподобие стычек между группировками в провинции Джаузджан в июне 2013 года)⁶⁴.

Внешняя помощь продолжит поступать в существенном (хотя и ограниченном) объеме. Это позволит правительству сохранить АСНБ как значимую силу, стабилизирующую ситуацию в области безопасности (в настоящее время расходы на содержание АСНБ составляют приблизительно 6 миллиардов долларов в год). Вместе с тем постепенно, медленными темпами будет сдуваться «мыльный пузырь», образовавшийся в афганской экономике из-за иностранных вливаний, что снимет угрозу одновременного краха.

Несмотря на сходство с нынешней ситуацией, описанный выше сценарий предполагает ряд существенных различий. Распределение контроля над территориями, скорее всего, отличалось бы от сегодняшнего, хотя многое зависело бы от объемов продолжающейся внешней поддержки. Если правительство будет получать внешнюю помощь в объемах, достаточных для поддержания АСНБ на существующем уровне, то ему, по всей видимости, удастся удержать значительную часть территории страны свободной от Талибана. Под контроль Та-

Нельзя не признать, что даже и при этом довольно-таки обнадеживающем сценарии интенсивность усилий по пресечению выращивания мака и уничтожению плантаций, скорее всего, снизится по сравнению с нынешним уровнем. Политикам следует обратить внимание на другие инструменты, способные сгладить такое снижение.

либана отойдут, скорее всего, отдаленные или периферийные районы (правда, это могут быть районы, играющие важную роль в производстве опиума). Несмотря на это, АСНБ с большой долей вероятности смогут контролировать основные линии коммуникаций между крупными городами и многими административными центрами провинций.

Если будет складываться ситуация, при которой объем поступающей внешней помощи существенно (но не критически) уменьшится, а численность АСНБ придется сокращать более быстрыми темпами (например, с нынешнего уровня в 352 тыс. человек приблизительно до уровня, зафиксированного на саммите НАТО в Чикаго, состоявшегося в 2012 году, - 228 тыс.), то вероятно потеря правительством более значительных территорий⁶⁵. В их число могут войти административные центры отдаленных провинций, такие как Парун в Нуристане или Тарин Кот в Урузгане. Хотя такого рода потери в целом не помешают установлению стабильного равновесия, оно будет достигнуто на условиях, менее благоприятных для АСНБ, что ослабит переговорные позиции афганского правительства. В такой ситуации Талибан, скорее всего, не сразу признает невозможность переломить «ничью» в свою пользу и, следовательно, необходимость переговоров.

С политической точки зрения, достижение стабильной «ничьи» потребует усилий двоякого рода. Во-первых, необходимо обеспечить выполнение предварительных условий, которые касаются поступления внешней помощи и внутривнутриполитического единства. Это не так-то просто, учитывая накопившуюся усталость внешних доноров и существующую напряженность в новом афганском руководстве.

Во-вторых, требуются усилия более практического характера, направленные на смягчение или устранение некоторых основных слабых моментов в функционировании АСНБ. Прежде всего, речь идет об ограниченности возможностей разведки и логистики, а также о политизации и коррупции в рядах АСНБ. Недавний разгром иракской армии под Мосулом со всей очевидностью показывает, что даже войска, поддерживаемые извне, могут понести быстрое и неожиданное фиаско, если они не обеспечены хорошей логистикой и разведкой, страдают от политизации и коррупции⁶⁶. Разумеется, ситуация в Ираке не является полным аналогом, но подобная закономерность наблюдалась также во Вьетнаме в 1975 году, когда южновьетнамские войска, испытывавшие те же проблемы, потерпели сокрушительный разгром⁶⁷. Нельзя скидывать со счетов риск того, что АСНБ, даже при наличии внешней поддержки, могут потерпеть по-

ражение. И все же в случае, если внешняя помощь будет структурирована так, чтобы усилить слабые звенья (например, путем привлечения иностранных военных подразделений, способных обеспечить сопровождение по части логистики и разведки), вероятность краха значительно уменьшится.

Одновременно с сокращением численности АСНБ в случае реализации данного сценария произошло бы общее падение афганской экономики. Хотя продолжение иностранных вливаний сгладило бы процесс сдувания мыльного пузыря, экономика все равно испытала бы на себе его негативные последствия и вынуждена была бы существовать в условиях продолжающейся неопределенности. Общий экономический спад, наряду с потерей АСНБ ряда ключевых районов-производителей опиума (например, в провинции Гильменд), привели бы, как можно предположить, к некоторому расширению опиумной экономики в краткосрочной перспективе.

Несмотря на риск осложнений, ситуация стабильной «ничьи» несет в себе определенные надежды с точки зрения борьбы с наркотиками. Если в краткосрочной перспективе равновесное противостояние означает отсутствие сдвигов или очень небольшой позитивный сдвиг в противодействии наркоэкономике, то среднесрочная перспектива открывает реальные возможности достижения значительного прогресса на этом пути в случае урегулирования ситуации в целом в ходе переговорного процесса. Успешное завершение конфликта в Афганистане путем переговоров само по себе не привело бы к решению опиумной проблемы, но открыло бы возможности для перемещения ресурсов из сферы борьбы с повстанцами в сферу борьбы с наркотиками, а также, в целом, для более широкого охвата правительственными силами ключевых регионов, в которых производится опиумный мак.

Нельзя не признать, что даже и при этом довольно-таки обнадеживающем сценарии интенсивность усилий по пресечению выращивания мака и уничтожению плантаций, скорее всего, снизится по сравнению с нынешним уровнем. Политикам следует обратить внимание на другие инструменты, способные сгладить такое снижение. Некоторые примеры инструментов воздействия на ситуацию будут приведены в следующем докладе Совместной российско-американской рабочей группы по афганскому наркотрафику, который будет посвящен безопасности границ вокруг Афганистана. Этот доклад станет вторым в серии докладов по конкретным проблемам афганского наркотрафика.

Сдача позиций

Менее обнадеживающим для Афганистана после 2014 года был бы сценарий, при котором новое афганское руководство, сохраняя политическое единство, столкнулось бы лицом к лицу с проблемой урезания внешней помощи. Такой вариант развития событий не означал бы скорый крах центральной власти, однако вынудил бы правительство расходовать крайне ограниченные средства исключительно на приоритетные направления, что привело бы к уступке Талибану значительных территорий. В конечном итоге, это привело бы к тому, что правительство, в лучшем случае, сохранило бы контроль над ключевыми западными и северными областями страны, а Талибан занял бы юг и восток. Наихудший расклад означал бы развал АСНБ из-за нехватки финансирования.

Этот сценарий (как и предыдущий) исходит из сохранения ныне существующей политической коалиции между Гани и Абдуллой, однако, в отличие от предыдущего сценария, предполагает значительное сокращение внешней помощи после 2014 года как в форме присутствия иностранных войск, так и в форме ресурсов. Даже при наличии Двустороннего соглашения о безопасности, нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что Соединенные Штаты и другие международные партнеры испытывают усталость после более чем десятилетней войны. Кроме того, режим строгой экономии финансов заставляет западные страны урезать свои бюджеты на оборону. В комбинации эти факторы позволяют предположить с высокой долей вероятности, что даже при сохранении помощи в 2015 году, в дальнейшем ее объемы резко пойдут на убыль.

По всей видимости, важную роль в решении вопроса о сохранении внешней помощи будет играть восприятие внешним миром афганского правительства. Если доноры сочтут режим не заслуживающим поддержки, то ее объем, скорее всего, быстро сократится. Например, сложившееся у доноров представление о том, что Афганистан не поддерживает верховенство закона и права человека может привести к значительному урезанию международной помощи. То же самое может произойти в случае, если доноры сочтут, что коррупция в Афганистане растет, а не снижается.

Некоторые из указанных опасений были публично озвучены в 2013 году во время правления Карзая⁶⁸. Даже при наличии оснований полагать, что Гани и Абдулла будут уделять приоритетное внимание борьбе с коррупцией, нельзя не понимать, что в ходе выборов оба этих лидера были поддержаны разнообразными кругами, которые будут добиваться ответного покровительства⁶⁹. Следова-

тельно, нельзя исключать варианта, при котором, несмотря на намерения политических лидеров, положение с коррупцией, правами человека и подобными проблемами ухудшится до такой степени, что это приведет к значительному сокращению донорской помощи после 2014 года. В реальности ценой сохранения политического единства может стать усиление протекционизма.

Данный сценарий был бы разрушительным для правительства по двум причинам. Во-первых, резкое масштабное сокращение численности иностранных войск ниже запланированного на период после 2014 года уровня (около 10 тысяч военнослужащих США плюс дополнительные силы НАТО) сделало бы невозможным дальнейшее развитие АСНБ. Это имеет особо важное значение, поскольку уменьшение финансирования АСНБ может поставить под угрозу безопасность даже в ключевых районах Афганистана (в частности, в городе Кандагар и в административном центре провинции Гильменд городе Лашкаргах). Согласно независимым оценкам, только для того, чтобы защитить пять крупнейших городов Афганистана, потребовалась бы армия, на 20 процентов превышающая по численности нынешний уровень. Если иметь в виду, что примерно в такой же пропорции должна была бы увеличиться численность полиции, то получится, что решение этой задачи потребовало бы наличия приблизительно 70 тысяч человек в рядах АСНБ⁷⁰.

Учитывая, что попытка удержать только упомянутые пять городов была бы бессмысленна без контроля за путями сообщения, ясно, что для сохранения за собой хотя бы самых важных территорий численность АСНБ должна была бы быть гораздо больше. Если предположить, что для удержания путей сообщения необходима была бы вдвое большая численность АСНБ (около 140 тысяч человек), то при отсутствии изменений в оплате и снаряжении содержание всех этих сил обходилось бы приблизительно в 2,4 млрд. долларов в год (40% от нынешних расходов в размере 6 млрд. долларов), из которых сам Афганистан, как отмечалось ранее, смог бы в ближайшем будущем оплачивать, в лучшем случае, 500 млн. долларов. Таким образом, в случае уменьшения донорских вливаний в АСНБ в среднесрочной перспективе ниже 2 млрд. долларов в год, нынешнее правительство, скорее всего, просто не выживет.

Если же размер помощи превысит указанное выше пороговое значение, но будет ниже уровня финансирования АСНБ, одобренного на саммите в Чикаго (4,1 миллиарда долларов ежегодно), то АСНБ смогут удержать несколько большее число ключевых городов, однако их способность про-

Ослабление государственного контроля на фоне экономического спада с большой долей вероятности повлекло бы за собой значительную экспансию «опиумной» экономики, которая отлично чувствовала бы себя в условиях свертывания или даже отсутствия карательных мероприятий внутри Афганистана.

водить более или менее значимые антинаркотические операции будет практически равна нулю. Многие районы, производящие опиум, особенно на юге, скорее всего, выйдут из-под контроля правительства.

В случае реализации данного сценария «мыльный пузырь», сформировавшийся за счет иностранных вливаний, лопнет, по всей видимости, очень быстро и болезненно. Двукратное падение объемов помощи в течение одного года привело бы к снижению ВВП Афганистана, как минимум, на 10 процентов⁷¹. Одновременное резкое ухудшение ситуации в области безопасности еще более усугубило бы спад, провоцируя прекращение инвестиций внутри страны и бегство капиталов в более безопасные «гавани», такие как Дубай.

Ослабление государственного контроля на фоне экономического спада с большой долей вероятности повлекло бы за собой значительную экспансию «опиумной» экономики, которая отлично чувствовала бы себя в условиях свертывания или даже отсутствия карательных мероприятий внутри Афганистана. Тем не менее, даже в этой ситуации сохранение политического консенсуса делало бы возможным продолжение сотрудничества между Федеральной службой Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН России), Управлением по борьбе с наркотиками США (DEA) и афганскими антинаркотическими подразделениями. В рамках такого сотрудничества стороны, по меньшей мере, обменивались бы разведывательными данными, что позволило бы осуществлять операции по пресечению наркотрафика за пределами Афганистана.

Предотвращение распада страны

Анализируемый в этом разделе сценарий предусматривает развитие событий в противоположном направлении: политический консенсус нарушается, но при этом продолжает поступать помощь извне. Ситуация, когда Абдулла уходит с поста главного исполнительного лица, но при этом по-прежнему участвует в политическом процессе и может поддерживать дисциплину в рядах своих сторонников, в рамках данного сценария не рассматривается. По сравнению с предыдущими двумя сценариями, данный вариант развития событий гораздо хуже для Афганистана в целом и для борьбы с наркотиками, в частности. При отсутствии политического единства внешняя помощь окажется менее эффективной и ее будет труднее использовать по назначению.

В рамках данного сценария предполагается, что нынешняя коалиция между лагерями Гани и Абдуллы распадется достаточно скоро по окончании 2014 года. Некоторые обозреватели полагают, что это может произойти уже через полгода⁷². Возможно, это звучит чересчур пессимистично, но нельзя исключать и того, что конкуренция за ресурсы и(или) начало сезона кровопролитных боевых действий в 2015 году развеет эти два лагеря на позиции противостояния довольно быстро по окончании 2014 года. Ситуация может осложниться из-за потенциально непростой задачи по поддержанию дисциплины в обоих лагерях, где представлены такие сильные политические фигуры как Дустум и Атта [Мохаммад Нур – прим. пер.], которые могут начать действовать в соответствии со своими собственными политическими предпочтениями, тем самым еще более подрывая политический консенсус.

Последствия политической дезинтеграции трудно предсказать, но ясно, что наименьшим злом было бы неадекватное перераспределение ресурсов. Многие сторонники Абдуллы, в том числе в правительстве и АСНБ, по всей вероятности, будут настаивать на первоочередной необходимости обороны территорий на севере страны (таких как Балх и Бадахшан) в ущерб южным провинциям (таким как Кандагар и Гильменд). В результате даже очень важные для страны регионы на юге и востоке окажутся уязвимыми для ударов со стороны Талибана.

Гани и его сторонники могут попытаться предотвратить перераспределение ресурсов в пользу другой команды, сместив ряд руководителей АСНБ и изменив в свою пользу соотношение ключевых постов. Однако, как показывает история с Наджибуллой, это могло бы еще более отдалить лагерь Абдуллы и положить начало развалу АСНБ. Самым худшим вариантом развития событий в рамках данного сценария было бы раздробление АСНБ по этническому и политическому признакам, что поставило бы Талибан в выгодное положение, дав ему возможность воспользоваться расколом и значительно расширить контролируемую им территорию.

С точки зрения перспектив борьбы с наркотиками данный сценарий потенциально хуже, чем предыдущий. Интенсивность мер по пресечению производства опиумного мака в рамках данного сценария оказалась бы, в лучшем случае, на таком же низком уровне, как и в случае «сдачи позиций», по причине ослабления политической воли к принудительному исполнению и ухудшения общей обстановки с безопасностью в сравнении с нынешней ситуацией. Положение с выращиванием мака

Совместная российско-американская позиция по вопросу о необходимости сохранения внутривнутриполитического единства имела бы очень важное значение для выполнения условий предоставления помощи.

и производством наркотиков было бы, в общих чертах, столь же удручающим. При этом экономика в целом страдала бы от политического раскола и подрыва стабильности, несмотря на то, что продолжение поступления международной помощи в какой-то степени предотвратило бы или, по крайней мере, замедлило бы быстрый упадок.

Вместе с тем, потеря политического консенсуса могла бы осложнить совместную работу с АСНБ, в том числе по линии военного консультирования и обмена разведывательными данными. Обмен информацией и сотрудничество внутри АСНБ, в том числе в рамках борьбы с наркотиками, носили бы ограниченный характер. Военные советники, сотрудники ФСКН России и Управления по борьбе с наркотиками США были бы вынуждены иметь дело с афганскими коллегами из разных лагерей, которые, в лучшем случае, саботировали бы взаимодействие друг с другом, а в худшем случае – проявляли бы по отношению друг к другу враждебность.

В случае претворения в жизнь подобного сценария, политический акцент следовало бы сделать на обусловленности внешней помощи выполнением ряда требований для того, чтобы заставить правительство сохранять единство, невзирая на политические разногласия. Однако на практике этот инструмент будет срабатывать отнюдь не всегда. В реальных условиях противостояния будет непросто убедить противников в необходимости проводить определенную политику в обмен на помощь. Даже если это удастся сделать, некоторые игроки внутри Афганистана могут решить, что им выгоднее «отпасть» от правительства, пусть даже ценой потери части помощи. Более того, найдутся такие, кто будет полагать, что приостановленная западная помощь может быть заменена поддержкой из других, в том числе региональных, источников.

Совместная российско-американская позиция по вопросу о необходимости сохранения внутривосточного единства имела бы очень важное значение для выполнения условий предоставления помощи. Она подорвала бы почву под любыми поползновениями натравливать один политический лагерь против другого. Возможно, при развитии событий по данному сценарию этого было бы недостаточно для сохранения внутривосточного согласия, однако совместными российско-американскими усилиями можно было бы предотвратить распад АСНБ.

В то же время было бы чрезвычайно непросто убедить теряющих терпение доноров продолжать оказание помощи Афганистану, пусть даже на

определенных условиях. Это тем более очевидно, что, судя по прогнозам, в среднесрочной перспективе многие доноры сами будут испытывать финансовые затруднения. Результатом этого может быть ухудшение ситуации в Афганистане все более ускоряющимися темпами, так как доноры начнут сокращать финансирование на фоне ослабления внутривосточного единства, что, в свою очередь, будет лишать правительственную коалицию стимулов к самосохранению, вследствие чего объемы помощи еще больше сократятся.

Возврат к полевым командирам

Развитие событий согласно двум описанным выше сценариям («предотвращение распада» и «сдача позиций») может в конечном итоге привести к реализации финального прогноза. В этом случае уровень как внешней помощи, так и внутренней сплоченности равны или близятся к нулю. Скорее всего, речь пойдет о ситуации, схожей с периодом, который Афганистан переживал после 1992 года, но с двумя существенными отличиями.

Как и после падения режима Наджибуллы, различные политические лидеры будут бороться за контроль над регионами, вступая в альянсы с постоянно меняющимися союзниками⁷³. Это приведет к усилению насилия, которое будет становиться тем ожесточеннее, чем больше будет углубляться раскол АСНБ по этническому и политическому признакам. Некоторые из «отступников», по всей видимости, встанут на сторону мятежных сил, включая Исламскую партию Гульбедин Хекматияра.

В лучшем случае, это закончится тем, что каждый из главных региональных лидеров будет контролировать свою территорию, не пытаясь ее расширить (так, например, Дустум будет держать в своих руках узбекский регион внутри и вокруг провинции Джаузджан). Это может привести к достижению разъедаемого внутренними противоречиями, но вместе с тем довольно устойчивого и относительно мирного равновесия сил между конкурирующими полевыми командирами. Однако экономические мотивы и желание устранить политических соперников могут подвигнуть различные альянсы к продолжению и даже расширению конфликта.

Одно из основных различий между данным сценарием на период после 2014 года и афганскими событиями 1990-х годов состоит в том, что в то время существовало национальное «теневое» правительство в лице Талибана. Сейчас

Что касается последствий данного сценария для противодействия наркобизнесу, то они, скорее всего, были бы катастрофическими. Запретительные и карательные мероприятия по сути сошли бы на нет, да и сам сложившийся на сегодняшний день аппарат по борьбе с наркотиками перестал бы существовать.

Проблема афганских наркотиков по-прежнему будет угрожать России, Соединенным Штатам Америки и остальному миру. Афганское государство имеет слишком много слабых мест, Талибан слишком силен, а стимулы к экспансии опиумной экономики настолько привлекательны, что обстановка просто не может измениться к лучшему в краткосрочной перспективе.

ситуация иная, но, возможно, многие покидающие АСНБ военнослужащие на юге и востоке страны предпочтут встать на сторону Талибана, поскольку альтернативой было бы сражаться на два фронта, одновременно против Талибана и бывших АСНБ на севере и западе. В этом случае Талибан получил бы возможность сконцентрировать ресурсы, подчиняя себе провинцию за провинцией, для того чтобы расправиться с нежелательными вступать в свои ряды и, возможно, даже разбить, одного за другим, полевых командиров. В рамках данного сценария представляется вполне вероятным, что Талибан довольно быстро поставит под свой контроль значительную часть юга и востока Афганистана.

Еще одним существенным отличием нынешней обстановки от периода 1990-х годов является то, что в настоящее время как региональные, так и международные политические силы заинтересованы в продолжении борьбы с терроризмом в Афганистане. Исходя из этого, можно предположить, что некоторые «игроки» будут значительно сильнее включены (по крайней мере, в завуалированном виде) в политические процессы внутри Афганистана, чем это наблюдалось в 1990-е годы. Это могло бы предотвратить повторение широкомасштабного наступления Талибана по всей стране, как происходило в конце 1990-х годов.

Что касается последствий данного сценария для противодействия наркобизнесу, то они, скорее всего, были бы катастрофичными. Запретительные и карательные мероприятия по сути сошли бы на нет, да и сам сложившийся на сегодняшний день аппарат по борьбе с наркотиками перестал бы существовать. В условиях урезания иностранной помощи и возобновившейся крупномасштабной гражданской войны, опиумная экономика стала бы одним из единственно надежных источников дохода для многих полевых командиров. Имеются серьезные основания полагать, что Талибан не будет предпринимать никаких действий для сокращения производства опиума, по крайней мере, в ближайшей перспективе. Даже в разгар своего могущества в период до 2001 года Талибан с большой осторожностью относился к вопросам о темпах применения и интенсивности мер по ограничению выращивания опиумного мака.

Помимо необходимости совместных действий по предотвращению реализации описанного выше сценария, при выработке политики в отношении афганского наркотрафика следует сделать акцент на двух моментах. Во-первых, в данном случае, как и в случае претворения в жизнь ряда других сценариев, и Россия, и Соединенные Штаты Америки выиграли бы от координации усилий по борьбе с расширением опиумных плантаций. Такая координация включала бы, в частности, усиление работы по контролю за границами в регионе, о чем будет идти речь в следующем докладе рабочей группы. Однако этот вопрос носит политически чувствительный характер, особенно применительно к Средней Азии, поэтому сотрудничество в данной области может оказаться ограниченным.

Во-вторых, Россия и США оказались бы в выигрыше, если бы в определенной степени координировали друг с другом вопросы оказания помощи афганским политическим силам, сражающимся с Талибаном. Безусловно, с политической точки зрения эта тема также является чрезвычайно чувствительной, однако сотрудничество позволило бы России и США влиять на ситуацию в случае, если другие региональные и глобальные державы попытались бы вмешиваться в афганские события. Более того, наличие скоординированной позиции дало бы России и США возможность обусловить предоставление любой помощи принятием мер по ограничению роста опиумной экономики в тех регионах, которые контролируются силами, желающими получить помощь извне.

В конечном счете, как для России, так и для США было бы лучше всего (особенно с точки зрения борьбы с наркотиками) полностью избежать развития событий по данному сценарию. Вероятность его реализации вскоре по окончании 2014 года очень мала, и все же сокращение внешней помощи и/или ослабление внутривнутриполитического консенсуса могли бы со временем подтолкнуть Афганистан к движению в указанном направлении. Чем активнее Россия и США будут взаимодействовать по предотвращению и пресечению описанных выше тенденций с самого начала, тем меньше будет вероятность реализации данного катастрофического сценария.

Заключение

Основное заключение рабочей группы состоит в том, что при любых мыслимых сценариях как обстановку в плане безопасности, так и политическую и экономическую ситуацию в Афганистане после 2014 года нельзя будет назвать благополучной. Проблема афганских наркотиков по-прежнему будет угрожать России, Соединенным Штатам Америки и остальному миру. Афганское государство имеет слишком много слабых мест, Талибан слишком силен, а стимулы к экспансии опиумной экономики настолько привлекательны, что обстановка просто не может измениться к лучшему в краткосрочной перспективе. Лицам, принимающим политические решения, следует быть готовыми к такой реальности.

Вместе с тем, возможность сохранения устойчивости и стабилизации сложившегося консенсуса должна обнадеживать политических лидеров. Она открывает дорогу к урегулированию путем переговоров, что могло бы, в конечном счете, ослабить угрозу, исходящую от афганского наркотрафика. В то же время, возможность возврата к эпохе полевых командиров, хотя и маловероятная в настоящее время, должна привлечь внимание к опасностям, которые могут возникнуть в будущем.

Лицам, ответственным за принятие решений в России и США, следует сконцентрировать усилия на двух направлениях. Во-первых, обеим странам необходимо искать любые возможности для объединения усилий в целях повышения вероятности достижения такого статус-кво, который вел бы к переговорам. Очевидно, что одной из таких возможностей является совместная работа по сохранению политического согласия внутри Афганистана. Для этого потребуются согласованные дипломатические усилия, направленные на то, чтобы все основные политические силы получали как от России, так и от США один и тот же сигнал о необходимости сохранения единства.

Во-вторых, в случае, если сохранение стабильного статус-кво окажется невозможным, России и США следует координировать друг с другом шаги по смягчению негативных последствий такой ситуации. Это поможет, среди прочего, ограничить масштаб краткосрочных трудностей, которые неизбежны при любом варианте развития событий после 2014 года. Конкретным примером совместной работы будут служить рекомендации, которые предполагается сформулировать в предстоящем докладе рабочей группы ИВЗ о защите границ соседних государств от проникновения наркотиков из Афганистана. Другие доклады рабочей группы ИВЗ будут посвящены анализу возможных совместных действий по борьбе с незаконными механизмами, которые используют наркоторговцы для отмывания и перевода денег, и стратегий формирования альтернативных источников существования. Однако, при отсутствии условий, обеспечивающих безопасность, рекомендации по последнему пункту, скорее всего, станут актуальны лишь для будущих поколений политических лидеров.

1. Екатерина Степанова и др. Афганский наркотрафик: совместная оценка угрозы. Российско-американская рабочая группа по афганскому наркотрафику. Нью-Йорк: Институт Восток-Запад, 2014. С. 45.
2. Публикации по этой теме на английском языке включают, например, следующие работы: Lester Grau, *The Bear Went Over the Mountain: Soviet Combat Tactics In Afghanistan* (Washington, D.C.: National Defense University Press, 1996); Lester Grau and Michael Gress, *The Soviet War: How A Superpower Fought and Lost*, (Lawrence, KS: University of Kansas Press, 2002); Antonio Giustozzi, *War, Politics, and Society in Afghanistan 1978–1992* (Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2000); Antonio Giustozzi, *Empires of Mud: Wars and Warlords in Afghanistan* (New York: Columbia University Press, 2009); Christopher Andrew and Vasili Mitrokhin, *The World Was Going Our Way: The KGB and the Battle for the Third World* (New York: Basic Books, 2006); Artemy M. Kalinovsky, *A Long Goodbye: The Soviet Withdrawal from Afghanistan* (Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011); and Olga Oliker, *Building Afghanistan’s Security Forces in Wartime: The Soviet Experience* (Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2011). Взгляды советских военачальников нашли отражение в книгах, опубликованных на русском языке: Александр Ляховский. Трагедия и доблесть Афгана. Москва: Искона, 1995; Борис Громов. Ограниченный контингент. Москва: Прогресс, 1994. Alexander Lyakhovsky, *Tragediya i Doblest Afgana* (Moscow: Iskona, 1995) and Boris Gromov, *Organichenniy Kontingent* (Moscow: Progress, 1994).
3. С современным взглядом на проблему можно ознакомиться, например, в следующих публикациях: Richard Cronin, “Afghanistan 1988: Year of Decision,” *Asian Survey* 29, no. 2 (1989); Theodore Eliot, “Afghanistan in 1989: Stalemate,” *Asian Survey* 30, no. 2 (1990).
4. Умеренный российский взгляд на будущее Афганистана после 2014 года высказан в публикации Екатерины Степановой «Афганистан после 2014 года: перспективы для России»: Париж, Французский институт международных отношений (IFRI), 2013. Умеренная американская позиция по вопросу о будущем Афганистана после 2014 года нашла отражение в публикации: Seth Jones and Keith Crane, *Afghanistan After the Drawdown* (New York: Council on Foreign Relations, 2013).
5. См.: Lester W. Grau, “Breaking Contact Without Leaving Chaos: The Soviet Withdrawal from Afghanistan,” *The Journal of Slavic Military Studies* 20, no. 2 (2007); а также: Kalinovsky, *A Long Goodbye*.
6. Rodric Braithwaite, *Afgantsy: The Russians in Afghanistan, 1979–89*, (London: Profile Books, 2011). С. 138. См. также: Oliker, *Building Afghanistan’s Security Forces in Wartime*.
7. Giustozzi, *War, Politics, and Society in Afghanistan 1978–1992*, (Washington, D.C.: Georgetown University Press, 2000). С. 98–99 и 266.
8. Austin Long et al., *Locals Rule: Historical Lessons for Creating Local Defense Forces in Afghanistan and Beyond*, (Santa Monica, CA: RAND, 2012), глава 8; Giustozzi, *War, Politics, and Society*. С. 206 и 222–223.
9. David Edwards, *Before the Taliban: Genealogies of the Afghan Jihad* (Berkeley, CA: University of California Press, 2002).
10. Edwards, *Before the Taliban: Genealogies of the Afghan Jihad*.

11. См.: Anton Minkov and Gregory Smolynec, *Economic Development in Afghanistan During the Soviet Period, 1979–1989: Lessons Learned from the Soviet Experience in Afghanistan* (Ottawa: Defence R&D Canada, 2007).
12. “Rebel Cabinet Holds 1st Session in Afghanistan,” *Los Angeles Times*, March 11, 1989; Timothy Weaver, “Afghan Guerilla Assault on Jalalabad Stalls,” *The Washington Post*, March 26, 1989; James Rupert, “Afghanistan Rebels Lose Key Battle,” *The Washington Post*, July 8, 1989.
13. Согласно комментарию российского боевого офицера в отставке, ноябрь 2014 года.
14. См.: Eliot, “Afghanistan in 1989.”
15. “Afghan Rebels Torn by New Quarrel,” *The New York Times*, April 7, 1991.
16. Shah Tarzi, “Afghanistan in 1991: A Glimmer of Hope,” *Asian Survey* 32, no. 2 (1992).
17. См.: Kalinovsky, 206-208.
18. Mark Fineman, “Powerful Militia Unit in Open Revolt Against Kabul Regime,” *Los Angeles Times*, March 15, 1992; Mark Fineman, “Afghan Leader Forced Out by Army, Rebels” *Los Angeles Times*, April 17, 1992.
19. Grau, “Breaking Contact.”
20. Shah Tarzi, “Afghanistan in 1992: A Hobbesian State of Nature,” *Asian Survey*, vol. 33, no. 2 (February 1993): 174.
21. U.S. Department of Defense, *Report on Progress Toward Security and Stability in Afghanistan* (Washington, D.C.: Government Printing Office, 2014), 10.
22. Joshua Partlow, “Violence data show spike during Afghan presidential election,” *The Washington Post*, April 14, 2014.
23. Azam Ahmed and Matthew Rosenberg, “Afghans, Looking Ahead to U.S. Withdrawal, Vote With Guarded Optimism,” *The New York Times*, June 14, 2014.
24. См.: Austin Long, “The Insider Threat in Afghanistan: A First Look at Lessons Learned” (в настоящее время находится в печати в Американской академии искусств и наук).
25. Obaid Ali, “Security Forces Spread Thin: An update from contested Faryab province,” *Afghan Analysts Network*, June 11, 2014.
26. Fabrizio Foschini, “Footsloggers, Turncoats and Enforcers: The fight along the eastern border,” *Afghan Analysts Network*, August 18, 2014.
27. U.S. Department of Defense, *Report on Progress Toward Security and Stability in Afghanistan*, 11.
28. Rod Nordland and Taimoor Shah, “Afghans Say Taliban Are Nearing Control of Key District,” *The New York Times*, September 6, 2014; Erin Cunningham, “Taliban offensive in southern Afghan district ‘worst fighting’ in years,” *The Washington Post*, August 23, 2014.
29. В английской версии использован термин AWOL (отсутствие без официального разрешения), который распространяется на любые случаи несанкционированного отсутствия, начиная от

дезертирства и заканчивая опозданием с увольнительной.

30. U.S. Department of Defense, Report on Progress Toward Security and Stability in Afghanistan, 36.
31. См.: Letter from the Special Inspector General for Afghanistan Reconstruction to Commanding General, Combined Security Transition Command Afghanistan, February 19, 2014, online at <http://www.sigar.mil> and Jonathan Schroeden, et al., Independent Assessment of the Afghan National Security Forces (Alexandria, VA: Center for Naval Analyses, 2014), 94.
32. U.S. Department of Defense, Report on Progress Toward Security and Stability in Afghanistan, 2.
33. U.S. Department of Defense, Report on Progress Toward Security and Stability in Afghanistan, 2 and 25.
34. Margherita Stancati and Ehsanullah Amir, "Taliban Attacks in Ghazni Kill at Least 20," The Wall Street Journal, September 4, 2014; Margherita Stancati and Ehsanullah Amir, "Six Killed in Suicide Attack At Afghanistan Intelligence Compound," The Wall Street Journal, August 30, 2014; and Nathan Hodge and Ehsanullah Amir, "Taliban Attack Afghan Intelligence Service Facility," The Wall Street Journal, September 8, 2014.
35. Kenneth Katzman, Afghanistan: Post-Taliban Governance, Security, and U.S. Policy (CRS Report No. RL30588). (Washington, DC: Congressional Research Service, 2014), 29.
36. См.: Jones and Crane, Afghanistan After the Drawdown, 7; U.S. Department of Defense, Report on Progress Toward Security and Stability in Afghanistan, 72.
37. U.S. Department of Defense, Report on Progress Toward Security and Stability in Afghanistan, 81–82.
38. Matthieu Aikins, "The Master of Spin Boldak," Harper's Magazine, December 2009.
39. David Zuchinno, "America's go-to man in Afghanistan's Oruzgan province," Los Angeles Times, January 12, 2013.
40. UNAMA, 2014 Mid-Year Report on Protection of Civilians in Armed Conflict (Kabul: United Nations, 2014).
41. Matthieu Aikins, Contracting the Commanders: Transition and the Political Economy of Afghanistan's Private Security Industry (New York: New York University, 2012), 5.
42. Инженер Мохаммад Хан является членом официально зарегистрированной Исламской партии Афганистана, которая существует отдельно от Исламской партии Гульбеддина Хекматияра, хотя и связана с последней. На момент подготовки данного доклада две упомянутые партии занимали различные позиции по вопросу о политических кандидатах. См.: Thomas Ruttig, "Bomb and Ballot: The many strands and tactics of Hezb-e Islami," Afghan Analysts Network, February 2014.
43. "Ghani Inaugurated As New Afghan President," Radio Free Europe Radio Liberty, September 29, 2014.
44. Mark Mazetti and Eric Schmitt, "In a Shift, Obama Extends U.S. Role in Afghan Combat," The New York Times, November 21, 2014.
45. Fabrizio Foschini, "The Other Transfer of Power: Fahim's death and Massud's succession," Afghan

Analysts Network, May 2014.

46. Комментарий бывшего российского офицера в ноябре 2014 г.
47. Оригинал статьи Мэттью Розенберга можно найти по ссылке: Matthew Rosenberg, "Amid Election Impasse, Calls in Afghanistan for an Interim Government," The New York Times, August 18, 2014. О депортации Розенберга см.: May Jeong, "Afghanistan orders New York Times reporter to leave over 'coup' article," The Guardian, August 20, 2014.
48. См.: Steve Coll, "Dodging a Coup Attempt in Kabul, For Now," The New Yorker, July 17, 2014. Основные тезисы статьи Стива Колла подтверждаются беседами с западными обозревателями в Кабуле, относящимися к августу 2014 года.
49. См.: Thomas Barfield, Afghanistan: A Cultural and Political History (Princeton, NJ: Princeton University Press, 2010).
50. David Mansfield, "Our Friends in the North: Contrasting Images of Power and Poppy in the Provinces of Balkh and Badakhshan," April 8, 2014.
51. Дэвид Мансфилд. Заметки в ходе полевого исследования. 2014.
52. Zahid Hussain, "The Taliban Question," The Cairo Review of Global Affairs (October 2014).
53. Gowher Rizwi, "The Endgame in Afghanistan," The World Today, vol. 47, no. 2 (February 1991): 25.
54. David Mansfield, "'From Bad They Made It Worse': The concentration of opium poppy in areas of conflict in the provinces of Helmand and Nangarhar," (Kabul: Afghanistan Research and Evaluation Unit, June 2014).
55. Kevin Sieff and Joshua Partlow, "Afghan economy facing serious revenue shortage," The Washington Post, April 15, 2014.
56. "The World Bank: Afghanistan Overview," The World Bank, <http://www.worldbank.org/en/country/afghanistan/overview#1>.
57. Доклад о тенденциях бизнеса Афганской торгово-промышленной палаты от 1 июля 2014 г. был посвящен анализу регионов с наиболее крупными городами, такими как Кабул, Балх, Кандагар, Нангархар и Герат: ACCI Business Tendency Survey Report, Afghanistan Chamber of Commerce and Industries, July 2014, 1.
58. Некоторые обозреватели считают, что помощь извне составляет более 90 процентов афганского ВВП, но в основе этой оценки лежит суммирование общих расходов, выделяемых на Афганистан, и фактически потраченных в Афганистане средств. Тем не менее, даже более консервативные расчеты свидетельствуют о том, что приблизительно 25 процентов ВВП приходится на иностранную помощь. См.: Borany Penh, "Understanding the Aid to GDP Relation: Not a Piece of Cake," The Huffington Post, July 10, 2013.
59. О месторождении Айнак и связанных с ним проблемах см.: Lynne O'Donnell, "Chinese firm turns back on Afghan mine deal," South China Morning Post, March 20, 2014.
60. Более подробная оценка дана в докладе: Е. Степанова и др. Афганский наркотрафик: совместная оценка угрозы. Российско-американская рабочая группа по афганскому наркотрафику.

Нью-Йорк: Институт Восток-Запад, 2014.

61. Alice Speri, "Afghanistan's Opium Economy Is Booming Like Never Before," VICE News, May 22, 2014.
62. Paul Fishstein and David Mansfield, "Despair or Hope? Opium Poppy Cultivation in post-2014 Afghanistan," (Kabul: Afghanistan Research and Evaluation Unit, July 2014).
63. William Zartman, "Ripeness: The Hurting Stalemate and Beyond," in International Conflict Resolution After the Cold War, ed. by Paul C. Stern and Daniel Druckman (Washington, D.C.: National Academies Press, 2000).
64. Rod Nordland, "After Gunfire, Politicians in Afghanistan Trade Accusations," The New York Times, June 17, 2013.
65. См.: Katzman, "Afghanistan: Post-Taliban Governance, Security, and U.S. Policy," 29.
66. Keren Fraiman, Austin Long and Caitlin Talmadge, "Why the Iraqi Army collapsed (and what can be done about it)," The Washington Post, June 13, 2014.
67. George Veith, Black April: The Fall of South Vietnam, 1973-75 (New York: Encounter Books, 2012).
68. Rod Nordland, "Donors Are Likely to Ask Karzai to Rethink Rights Panel Choices," The New York Times, July 2, 2013.
69. Paul Shinkman, "Afghanistan's New Leaders Face Plenty of Problems," U.S. News and World Report, September 22, 2014.
70. Schroeden, et al., Independent Assessment, 120-122.
71. См. ссылку 47.
72. Yaroslav Trofimov, "Afghanistan Presidential Rivals Sign Power-Sharing Deal," The Wall Street Journal, September 21, 2014.
73. Различные модели такого рода альянсов в Афганистане в 1990-е годы анализируются в следующей монографии: Fotini Christia, Alliance Formation in Civil Wars (Cambridge: Cambridge University Press, 2013).

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АТПП	Афганская Торгово-промышленная палата
АНА	Афганская национальная армия
АНП	Афганская национальная полиция и Национальное управление безопасности
АСНБ	Афганские силы национальной безопасности
AWOL	Отсутствие без официального разрешения (absent without leave) – термин, распространяющийся на любые случаи самовольного оставления воинской части, начиная от дезертирства и заканчивая опозданием с увольнительной.
Двустороннее соглашение (BSA)	Двустороннее соглашение о безопасности (между Исламской Республикой Афганистан и Соединенными Штатами Америки от 30 сентября 2014 г. – прим. пер.)
DEA	Управление по борьбе с наркотиками США
ДРА	Демократическая Республика Афганистан
ФСКН России	Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков
ВВП	валовой внутренний продукт
GIRoA	Правительство Исламской Республики Афганистан
IED	самодельное взрывное устройство (improvised explosive device)
МССБ (ISAF)	Международные силы содействия безопасности в Афганистане
ХАД (KhAD)	Афганская разведывательная служба
моджаеды	Слово арабского происхождения, обозначающее участников «джихада» (священной борьбы или войны). Чаще всего применяется по отношению к повстанческим группам, боровшимся против Демократической Республики Афганистан и советских войск во время Афганской войны 1979-1989 гг.
НУБ	Национальное управление безопасности Афганистана
НДПА	Народно-демократическая партия Афганистана
МООНСА	Миссия ООН по содействию Афганистану

Совет директоров Института Восток-Запад

Председатели

Росс Перо, мл. (США)
Председатель совета директоров
Институт Восток-Запад
Председатель
Хиллвуд Девелопмент Ко., ЛЛС
(Hillwood Development Co. LLC)

**Его Превосходительство д-р
Армен Саркисян (Армения)**
Вице-председатель совета
директоров
Институт Восток-Запад
Президент
Евразия Хаус Интернешнл
(Eurasia House International)
Чрезвычайный и полномочный
посол
Посольство Республики Армения
в Соединенном Королевстве
Великобритании и Северной
Ирландии
Экс-премьер-министр Армении

Должностные лица

Р. Уильям Айд III (США)
Советник и секретарь совета
директоров
Председатель исполнительного
комитета
Институт Восток-Запад
Партнер
МакКенна Лонг энд Олдридж ЛЛП
(McKenna Long & Aldridge LLP)

Лео Шенкер (США)
Казначей совета директоров
Институт Восток-Запад
Старший исполнительный
вице-президент в отставке
Сентрал Нэшэнал-Готтесман, Инк.
(Central National-Gottesman, Inc.)

Члены совета директоров

Марти Ахтисаари (Финляндия)
Экс-председатель
Институт Восток-Запад
Лауреат Нобелевской премии мира
за 2008 год
Экс-президент Финдляндии

Хамид Ансари (США)
Президент и соучредитель
Продеа Системз, Инк.
(Prodea Systems, Inc.)

Теводрос Ашенафи (Эфиопия)
Председатель и главный
исполнительный директор
Саутвест Энерджи (Гонконг) Лтд.
(Southwest Energy (HK) Ltd.)

Питер Бонфилд (Великобритания)
Председатель
ЭнЭксПи Сэмикондакторс
(NXP Semiconductors)

Мэтт Бросс (США)
Председатель и главный
исполнительный директор
АйПи Партнерс (IP Partners)

Ким Кэмпбелл (Канада)
Ректор-учредитель
Колледж лидерства имени Питер
Лоугида, Университет Альберты
Экс-премьер-министр Канады

Роберт Н. Кэмпбелл III (США)
Учредитель и главный
исполнительный директор
Кэмпбелл Глобал Сервисез ЛЛС
(Campbell Global Services LLC)

**Питер Кастенфельт
(Великобритания)**
Председатель
Архипелаго Энтерпрайзис, Лтд.
(Archipelago Enterprises, Ltd.)

**Мария Ливанос Каттауи
(Швейцария)**
Экс-генеральный секретарь
Международная Торговая Палата

Майкл Чертофф (США)
Соучредитель и управляющий директор
Зе Чертофф Груп (The Chertoff Group)

Дэвид Коэн (Израиль)
Председатель
Эф энд Си РЕЙТ Проперти Менеджмент (F&C REIT Property Management)

Джозел Коуэн (США)
Профессор
Технологический институт штата Джорджия (Georgia Institute of Technology)

Эддисон Фишер (США)
Председатель и соучредитель
Плэнет Херитедж Фаундэйшн (Planet Heritage Foundation)

Стивен Б. Хайнц (США)
Президент
Фонд братьев Рокфеллер (Rockefeller Brothers Fund)

Ху Яндонг (Китай)
Главный представитель
Офис продвижения инвестиций и технологий ЮНИДО в Китае

Эмиль Хубинак (Словацкая Республика)
Председатель и главный исполнительный директор
Логомоушн (Logomotion)

Джон Херлей (США)
Управляющий партнер
Кэвэлли Эссет Менеджмент (Cavalry Asset Management)

Его Превосходительство Посол Вольфганг Ишингер (ФРГ)
Председатель
Мюнхенская конференция по безопасности (Munich Security Conference)
Глобальный руководитель по отношениям с правительственными структурами
Эллайанц ЭСЕ (Allianz SE)

Ральф Ишем (США)
Управляющий директор
ДжиЭйч Венчур Партнерс ЛЛС (GH Venture Partners LLC)

Анураг Джайн (Индия)
Председатель
Лаурус Эдютек Пвт. Лтд. (Laurus Edutech Pvt. Ltd.)

Генерал (в отст.) Джеймс Л. Джонс (США)
Экс-советник по национальной безопасности Президента США
Экс-главнокомандующий объединенными вооруженными силами НАТО в Европе
Экс-глава корпуса морской пехоты США

Хайфа Аль-Кайлани (Ливан/Иордания)
Основатель и председатель
Международный форум арабских женщин (Arab International Women's Forum)

Зухал Курт (Турция)
Главный исполнительный директор
Курт Энтерпрайзес (Kurt Enterprises)

Генерал (в отст.) Т. Майкл Мозли (США)
Президент и главный исполнительный директор
Мозли энд Эссошиэйтс, ЛЛС (Moseley and Associates, LLC)
Экс-начальник штаба ВВС США

Карен Лайнэн Мроз (США)
Президент
Роскоммон Груп Эссошиэйтс (Roscommon Group Associates)

Ф.Фрэнсис Наджафи (США)
Главный исполнительный директор
Пивотал Груп (Pivotal Group)

Его Превосходительство Посол Тсунео Нишида (Япония)
Экс-постоянный представитель Японии при ООН

Рональд П. О'Хэнли (США)
Экс-президент
Управление активами и корпоративные услуги Фиделити Инвестментс (Fidelity Investments)

Адмирал (в отст.) Уильям А.Оуэнс (США)
Председатель
АЕА Холдингс Азия (AEA Holdings Asia)
Экс-вице-председатель
Объединенный комитет начальников штабов США

Сара Перо (США)
Директор и сопредседатель по вопросам развития
Центр исполнительских искусств Далласа (Dallas Center for Performing Arts)

Луиз Ричардсон (Великобритания)
Директор
Университет Сент-Эндрюс (University of St. Andrews)

Джон Роджерс (США)
Управляющий директор
Голдман Сакс энд Ко. (Goldman Sachs & Co.)

Джордж Ф. Расселл (мл.) (США)
Экс-председатель совета директоров
Институт Восток-Запад
Почетный председатель
Расселл Инвестмент Груп
(Russell Investment Group)
Основатель
Расселл 20-20

Рамзи Х. Санбар (Великобритания)
Председатель
ЭсДиСи Груп Инк. (SDC Group Inc.)
Сервисез Лтд. (Services Ltd.)

Икрам уль-Маджид Сегал (Пакистан)
Председатель
Секьюрити & Менеджмент Сервисиз
Лтд. (Security & Management
Services Ltd.)

**Его Превосходительство Посол
Кэнвал Сибал (Индия)**
Экс-министр иностранных дел Индии

Кевин Тоуил (США)
Председатель
Азурион (Asurion)

**Его Превосходительство Посол
Пьер Вимон (Франция)**
Исполнительный генеральный
секретарь
Европейская служба внешней
деятельности
Экс-посол
Посольство Французской Республики
в Вашингтоне (ок. Колумбия, США)

Александр Волошин (Россия)
Председатель совета директоров
ОАО Первая грузовая компания (ПГК)
Член совета директоров
Компания Яндекс

**Его Превосходительство Посол
Чжоу Вэньчжун (Китай)**
Генеральный секретарь
Боаоский азиатский форум
(Boao Forum for Asia)

Члены комитетов, не входящие в Совет директоров

Лоран Ру (США)
Основатель
Галлатин Уэлт Менеджмент, ЛЛС
(Gallatin Wealth Management, LLC)

Хилтон Смит, мл. (США)
Президент и исполнительный
директор
Ист Бэй Ко., Лтд. (East Bay Co., Ltd.)

Со-основатели

Джон Эдвин Мроз* (США)
Экс-президент и главный
исполнительный директор
Институт Восток-Запад

Ира Д. Уоллак* (США)
Экс-председатель
Сентрал Нэшнл-Готтесамн Инк.
(Central National-Gottesman Inc.)

Почетные председатели

Бертхолд Бейтс* (ФРГ)
Президент
Альфريد Круп фон Болен унд
Хальбах-Штифтунг (Alfried Krupp von
Bohlen und Halbach-Stiftung)

Иван Т. Беренд (Венгрия)
Профессор
Университет штата Калифорния,
Лос-Анджелес

Фрэнсис Финли (Великобритания)
Экс-председатель
Клэй Финли ЛЛС (Clay Finlay LLC)

Ганс-Дитрих Геншер (ФРГ)
Экс-вице-канцлер и министр
иностраннх дел

Дональд М. Кендалл (США)
Экс-председатель и главный
исполнительный директор
ПепсиКо Инк. (PepsiCo Inc.)

Уитни МакМиллан (США)
Экс-председатель и главный
исполнительный директор
Каргилл, Инк. (Cargill, Inc.)

Марк Малец (США)
Экс-председатель
Исполнительный комитет Института
Восток-Запад
Ведущий научный сотрудник
Гарвардская бизнес-школа

Почетные директора

Ян Кшиштоф Белецкий (Польша)
Главный исполнительный директор
Банк Польска Каса Опекы С.А. (Bank
Polska Kasa Opieki S.A.)
Экс-премьер-министр Польши

Эмиль Константинеску (Румыния)
Президент
Институт регионального
сотрудничества и предотвращения
конфликтов (INCOR)
Экс-президент Румынии

Виллиам Д. Диарстайн (США)
Экс-председатель группы компаний
Джонсон и Джонсон
(Johnson & Johnson)

Джон У. Клюге* (США)
Экс-председатель совета директоров
Метромедиа Интернешнл Груп
(Metromedia International Group)

**Ее Превосходительство
Мария-Пиа Котбауэр (Лихтенштейн)**
Посол
Посольство Лихтенштейна в Австрии,
ОБСЕ и ООН в Вене

Уильям Е. Мюррей* (США)
Экс-председатель
Фонд Сэмюэля Фримана
(The Samuel Freeman Trust)

Джон Дж. Робертс (США)
Старший советник
Американ Интернешнл Груп
(American International Group - AIG)

Дэниел Роуз (США)
Председатель
Роуз Ассошиэйтс Инк.
(Rose Associates Inc.)

Митчелл И. Сонкин (США)
Управляющий директор
МБИА Иншуранс Корпорейшн
(MBIA Insurance Corporation)

Торвальд Столтенберг (Норвегия)
Президент
Норвежский Красный Крест

Линер Тимерлин (США)
Председатель
Тимерлин Консалтинг
(Temerlin Consulting)

Джон С. Уайтхед* (США)
Экс-сопредседатель
Голдман Сакс (Goldman Sachs),
Экс-заместитель госсекретаря США

* - ныне покойный

Строим отношения, основанные на доверии Предлагаем решения

Институт Восток-Запад (ИВЗ) стремится сделать мир более безопасным, содействуя урегулированию представляющихся неразрешимыми проблем, которые угрожают региональной и глобальной стабильности. Основанный в 1980 году, ИВЗ является международной, политически независимой некоммерческой организацией с офисами в Нью-Йорке, Брюсселе, Москве и Вашингтоне. Благодаря накопленному опыту работы, **ИВЗ стал глобальным центром, формирующим отношения доверия, влияющим на практическую политику и предлагающим решения.**

—

Приглашаем посетить наш сайт: www.ewi.info

EWInstitute

EastWestInstitute

